

ИМПЕРСКИЙ РАБ

ВАЛЕРИЙ
СОСНОВЦЕВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Валерий Сосновцев
Имперский раб
Серия «Исторические
приключения (Вече)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27362555

Валерий Сосновцев. Имперский раб:

ISBN 978-5-4444-7503-4

Аннотация

Вторая половина XVIII века. Российская империя стремительно расширяет сферу своего влияния. Главным ее противником в Среднеазиатском регионе становится Великобритания. Для сбора разведданных, необходимых в планировании кампании по присоединению к империи среднеазиатских эмиратов, граф Потемкин задумывает рискованную, но многообещающую операцию по внедрению своего агента. Им становится солдат Ефрем Филиппов, владеющий несколькими языками, знающий картографию и военное ремесло. Чтобы внедрение прошло незамеченным, Филиппову предстоит добровольно дать захватить себя в плен воинам эмира и уже в качестве раба проникнуть в глубь региона...

В основу романа положена реальная история русского солдата, прошедшего все круги ада азиатского плена.

Валерий Сосновцев

Имперский раб

© Сосновцев В. Ф., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Сержант Ефрем Филиппов, начальник воинской команды сторожевого, пограничного поста Донгуз, что в тридцати верстах южнее Оренбурга, беспокоило всматривался в пред-рассветные степные сумерки. Поднятая по тревоге команда поста – двадцать человек с одной двухфунтовой пушкой – заняла позиции вдоль деревянной стены небольшого укрепления, больше похожего на бастион, чем на крепость. Всего-то – обнесенная частоколом верхушка небольшой насыпи с приткнувшимся у подножия десятком казачьих мазанок. Внутри ограды крытая коновязь и мазанка-казарма с кладовой, где приготовлено немного провизии, вода да воинский припас на сутки боя. Словом, сторожевая застава.

Солдаты не доверяли местным казакам. Те не верили солдатам и попрятались неведомо куда – выжидали.

С юга к посту двигалась толпа, человек в пятьсот. Было

там больше пеших, меньше конных. С телегами, медленно, в беспорядке приближались они к укреплению галдящим табором.

Уже около года в Российской империи полыхал пугачевский бунт, начавшийся западнее этих мест, в Яицком казачьем войске. Восставшие легко разбивали игрушечные правительственные крепости. По всему видать, зная малость гарнизона Донгуза, и в это сентябрьское утро 1774 года одна из ватаг бунтовщиков шла брать пост без всякой опаски.

– Канониры, орудие картечью зарядить! Фитиль вздуть! Быть наготове! – скомандовал Ефрем.

Он поставил по наблюдателю с трех сторон ограды, одиннадцать человек собрал на южной и четверых оставил в резерве. Одного солдата отрядил на коне в Оренбург, с просьбой о помощи. Может, доскачет в сумерках, минует кочевников, бунтовщиков, волков...

Пугачевцы подошли шагов на сто. Ефрем даже удивился увиденной пестроте: кого тут только не было. И казаки, и киргизы, и мужики, и беглые солдаты, и бог весть еще кто. Пестрота была во всем – в одежде, в оружии. Над толпой царил беспорядок и бесшабашный гвалт.

«Ну, если Бог не попустит сразу помереть, – подумал Ефрем, – с пушкой да умеючи мы день-то продержимся. Тут множеством нас не запугать!.. Поспел бы гонец да начальство поторопилось!..»

Такими мыслями Ефрем более подбадривал себя, нежели

рассуждал о грядущем бое.

– Эй, в крепости! – крикнул выехавший из толпы на пегом коне здоровенный детина-бородач. – К вам есть послание от Богом спасенного государя нашего, Петра Федоровича!

– Не отвечать! – приказал Ефрем.

Толпа повстанцев затихла, с любопытством вслушивалась.

– Эй, оглохли вы там, что ли? – снова крикнул бородач.

Солнце уже приподнялось над безоблачным горизонтом и осветило треуголки притихших за тыном солдат. Бородач, косо глядя на крепость, прислушивался, ждал. Солдаты молчали.

– Если добром откроетесь и покоритесь, то воля вам всем будет объявлена! – теряя терпение, крикнул бородач. – Не откроете – всех перебьем, так и знайте!

Он замолчал, прислушался... За стеной тишина.

– Они, слышь-ка, – крикнули задорно из толпы, – от счастья онемели, видать!

Бунтовщики дружно захохотали.

– Да нет, они портки менять побегли! Им недосуг ответить! – подхватил кто-то.

Еще раз залпом грянул хохот.

– Ну, как хотите! – перекрывая смех, гаркнул бородач. – Айда, робяты на тын, вали их, сволочей!

С визгом, криком и матом мятежники ринулись на вал. Заколыхались над их головами копья, сабли, дубины, вилы...

На стене, из-под сброшенной попоны, в амбразуре сверкнуло начищенное до золотого блеска орудие. Почти в упор нападавшим грянул выстрел. Визг картечи сменился протяжным воем страха и боли. Вслед за орудием без передышки солдаты дали несколько залпов из заранее приготовленных заряженных ружей.

Нападавшие, вопя и давя друг друга, быстро скатились вниз, отступили. На валу и подле него осталось лежать дюжины две трупов и раненых. Солдаты быстро перезарядили орудие.

У подножия крепостного холма, всем хорошо было видно, бился в судорогах пегий конь, а в такт ему болталось из стороны в сторону тело мертвого бородача, предводителя мятежников. Окровавленная голова его елозила в пыли, а застрявшая в стремени нога дергалась на брюхе коня как живая. Очень скоро смертельно раненное животное с трупом бородача в седле затихло. Стылали раненые. Некоторые из них пытались ползти, крича:

– Братцы, братцы, Христа ради... братцы!

Другие просто вопили бессвязно. Солдаты из крепости не добивали их. Берегли заряды.

Мятежники отдышались и враз, дружно загалдели. С получаса в их стане гомонили. Из крепости молча наблюдали. Наконец толпа разделилась на две половины. Одна половина обходила пост справа, становясь против солнца. Оставшиеся без промедления снова бросились к стене.

– Пали! – крикнул Ефрем канонирам.

Когда ухнул выстрел, снова приказал:

– Подхватывай, братцы, пушку! Поше-е-о-ол!

Ефрем и трое солдат подхватили орудие на заранее приготовленные носилки и бегом потащили его к восточной стене, к амбразуре, тоже приготовленной загодя. Там вторая половина мятежников уже лезла на вал.

На прежнем месте оставшиеся солдаты палили залпами из ружей.

На восточной стене после ружейной пальбы дали выстрел картечью из пушки и снова ружейный залп.

Мятежники еще стремительнее, чем, в первый раз, отхлынули вниз. Еще десятка два убитых и раненых остались лежать возле стен укрепления.

Бунтовщики растерялись. Им показалось, что гарнизон имеет несколько пушек и немалое число солдат. В замешательстве они суеились, кричали на безопасном расстоянии.

Ефрем приказал перезарядить пушку и ружья, приготовиться. Его солдаты делали все споро – привычную работу творили. Он разделил свою команду так, чтобы там, где не было орудия, было больше стрелков из ружей. Резерв подносил заряды, перезаряжал ружья. Сам сержант успевал перебегать от одного края обороны к другому.

Явного страха пока ни у кого не замечалось. Было не до него.

– Ефрем, – крикнул дозорный с южной стороны, – глянь-

кость сюды! Чтой-то замыслили, язви их!

Ефрем прибежал на зов. Спросил, выглядывая меж зубьев частокола:

– Что тут, Иван?

– Запалить нас, кажись, хотят, не иначе!

Мятежники растащили плетень у ближайшей казачьей мазанки, рубили его и складывали в разгоравшийся костер. Рядом сустились спешившиеся киргизы, держа коней на длинном поводу, подалее от огня.

– Понятно, удумали стрелами поджечь наш тын, – вздохнул Ефрем и окликнул: – Михей!

– Здеся я, – отозвался от коновязи солдат.

Там стояли оседланные кони. В одном месте, под частоколом, Ефрем заранее велел вырыть бочонок с порохом. В трудную минуту можно было взорвать его и через пролом на конях ускакать, ежели повезет.

– Быстро собирайте тряпки, режьте попоны и мочите их обильно водой. Мокрые тряпки бросать будем на стрелы зажигательные...

Искать тряпки было недосуг, и Михей палашом распластал первую, попавшуюся под руку попоны. Торопливо стал запихивать обрубки в бадейку с водой у коновязи.

– Обильнее, обильнее мочи тряпки-то! – Сказал Ефрем, направляясь было ему на подмогу.

– Вот они, зачинают! – крикнул солдат от стены.

Ефрем бросился к кричавшему. Туда же прибежал и Ми-

хей с охапкой мокрого тряпья.

Ефрем толком еще не высунулся из-за частокола, как первая горящая стрела с тупым звуком вонзилась в бревно чуть ниже края. Он выхватил у Михея тряпку и, приподнявшись по грудь из-за бревна, сверху набросил ее на не успевший разгореться факел. Мокрая тряпка повисла на стреле, и огонь с шипением погас.

Ефрем едва не поплатился за это. Вторая стрела сбила с него треуголку и парик. Накладные волосы тут же, на земле, занялись, но проворный Михей затоптал их.

– Вот, видали как?.. Только стерегись, братцы, бьют, дьяволы, метко больно!

Его команда, мигом расхватав мокрую ветошь, разбежалась по местам. Киргизские всадники по очереди подхватывали из костра факелы-стрелы и проскакав вокруг укрепления, улучив момент, стреляли из луков в сторону деревянных стен и быстро назад. Действовали парами. Стреляли по очереди, чтобы сшибить по возможности какого-либо неосторожного защитника. Вскоре огненное колесо уже всюду крутилось вокруг осажденного поста. Несколько солдат обожглись, кого-то легко царапнуло. Как ни старались защитники, кое-где сухое дерево частокола все же занялось – не успевали гасить.

Бунтовщики, вдохновленные этим, ринулись было снова на приступ, но Ефрем с командой, перебегая и перетаскивая пушку, вновь отбились. Наступило затишье. Солнце подня-

лось уже высоко, припекало. Ефрем видел, как устали его люди. Он знал: порох в крепости уже на исходе.

– Вот что, братцы, – сказал он ближним к нему солдатам, большей части команды, – дело мы свое исполнили честно, как могли. Присяге не изменили. Но припасы наши и малое число наше не позволяют нам более держаться здесь.

Солдаты напряглись, слушая своего командира. Был он хоть и молод, всего-то двадцать четыре года, но за старшего они почитали его все, и искренне. Строгий, но добрый, грамотный и трудолюбивый, Ефрем легко поднялся по службе, но не чинился, солдат постарше почитал и отличал. Может, потому солдаты его команды обращались к нему, а он к ним не по званию или фамилии, а по имени. Точно так, как звали друг друга в российских деревнях близкие соседи или работники в артелях. У русских это высший знак доверительности, когда в обиходе имя называется не уменьшительно, а полно, степенно, или уменьшительно, но ласково.

Сейчас солдаты слушали своего сержанта словно выборного вожака артели, как бы ожидая себе приговор на жизнь или смерть, на честь или позор. Все знали, что подчинятся этому приговору беспрекословно – таков обычай. Вовсе не устав, а то, что в крови, в душе от веку.

– Решил я, пробиваться будем! – Ефрем обвел всех взглядом.

Солдаты как будто повеселели – все же надежда какая-то.

– Кони у нас сытые, в силе. Канониры, пушку законопа-

тить немедленно! Коней разобрать, ружья зарядить, сабли приготовить! – скомандовал Ефрем и позвал: – Иван!

– Слушаю, – откликнулся один солдат.

– Ступай и отковырни землю от бочонка потайного, под стеной.

Все немедленно сели в седла, пушку заклепали, стали ждать Ивана. Тот подбежал к мине под частоколом, машинально выглянув за него и закричал истошно, выпучив глаза:

– Лезут!.. Ефрем, они уже на стене!..

– Отбрось землю от бочки, быстро!

Иван охапками копнул несколько раз. Показался край бочонка. Из-за кольев, сверху, прямо над Иваном высунулась голова в черной бараньей шапке. Ефрем выхватил из-за пояса пистолет, выстрелил. Голова в папаше исчезла. Иван тоже присел от грохота.

– Быстрее назад! – крикнул Ефрем Ивану.

Тот подбежал и впрыгнул в седло приготовленного ему коня.

А через тын уже перемахнули несколько нападавших. Увидев перед собой всадников, они остановились в нерешительности.

– Братцы, по бочонку, залпом пли-и! – заорал Ефрем...

Солдаты дали дружный ружейный залп. На месте прорыва бунтовщиков с грохотом и дымом вздыбилась земля. Ключья разодранных тел, щепок и туча пыли взметнулись вверх. Взыв от ужаса, толпа мятежников покатила с крепостно-

го вала. За ними из дыма и пыли, размахивая саблями, давя и рубя отставших, вынеслась команда Ефрема. Нападавшие были так ошеломлены, что разбегались, ни о каком сражении не помышляя. Ефрем галопом повел свой отряд на север, к Оренбургу.

Между тем бунтовщики скоро пришли в себя. Вид кровавых ошметков, оставшихся от их товарищей, подхлестнул тех, кто были на конях, со звериной яростью броситься в погоню за солдатами. Кони у мятежников оказались резвее, чем полагал Ефрем. Они стали настигать беглецов.

– Егор, – крикнул на скаку Ефрем, – уводи людей! Я задержу их!

– Негоже так-то, Ефрем, командира-то в бою бросать! – ответил ему солдат из головных.

– Уводи! Иначе всех побьют! Бог даст, я их по степи помотаю и оторвусь!.. Их, глянь, не так уж и много!

– За одним они гоняться не станут, а мы здесь больше сгодимся! – подытожил вмешавшийся в перепалку Михей. – Верно, братцы?

– Верно, верно! – разом откликнулись все.

– Коли так, братцы, тогда по-ихнему же, по-казацки – разом поворот и в атаку! Айда-а-а! – крикнул Ефрем.

Разойдясь на две стороны, развернувшись по ходу движения, солдаты по-казацки, лавой, с криком «ура» бросились на преследователей.

Десятка три бунтовщиков, скакавших с визгом и гиканьем

растянутой гурьбой, в беспорядке заматались, остановились, а кто-то даже развернулся. Однако несколько отчаянных казаков и киргизов продолжали наступать яростно.

Передовой киргиз в малахае и полосатом халате с ходу налетел на резко возникшего перед ним Ефрема. Ловко поднырнув под занесенную Ефремом саблю, он рубанул боковым ударом своего кривого клинка. Глубокий кровавый порез лег над правым ухом Ефрема. Но следующего преследователя Ефрем сам достал. Проскочив первого противника, на втором замахе он точно угодил саблей по голове молодому мужику, лихо, но неумело ввязавшемуся в драку. Тот свалился как мешок под ноги коням, даже не вскрикнув.

Решительный натиск принес поначалу успех солдатам, но пугачевцы, видя, что их больше, взялись окружать отряд Ефрема. Маневрируя, солдаты не давали сомкнуть кольцо, но силы были явно не равны.

На Ефрема навалились сразу трое. Он, сорвав с плеча ружье, выстрелил в одного – убил. Инстинктивно вскинул бесполезное уже оружие, защищаясь от сабли казака и уронил его вместе с отрубленным большим пальцем левой руки.

Другой казак ткнул в Ефрема пикой, но сам повалился на бок, зарубленный подоспевшим Михеем. Все же пика ударила Ефрема в голову, повыше лба, и он потерял сознание.

Когда Ефрем очнулся, было уже темно. Один глаз его не открывался: кровь, залившая половину лица, запеклась. Сильно болела левая рука.

Он пошевелился. Понял, что связан. Одним глазом видел, как по кустам полыни пляшут отблески костра, горевшего чуть поодаль, у него за спиной. Босыми ногами он чувствовал остывшую к ночи землю. Попытался оглянуться. Ветки не позволили. Тогда он стал осторожно переворачиваться. Это ему удалось.

Перед собой увидел еще два связанных тела, а шагах в десяти догоравший кизячный костер и с дюжину людей вокруг него. Все они дремали, развалясь как попало. Из темноты слышалось похрапывание лошадей. Он вздохнул, преодолевая боль в руке.

– Тихо, – услышал он шепот. – Ефрем, лежи тихо.

Шептал лежавший рядом человек. Ефрем пригляделся. Это был Михей. Ефрем все же спросил:

– Где это мы?

– В полон угодили, – ответил Михей. – Ты, я и Кашаф... Помнишь, молоденькой солдатик из татар?

– Помню, помню... Что я, своих не помню...

– Да тихо ты, услышат! – шикнул на них Кашаф. – Воры проснется – бить станет... Михей, потихоньку давай зубами

узел растяни... Ну!..

Он осторожно перевалился на бок, подставляя товарищу свои связанные за спиной руки. Михей припал в темноте к веревкам и, сдерживая дыхание, стал зубами из стороны в сторону расшатывать узлы. Несколько минут – и Кашаф высвободил сначала одну, затем другую руку. Пленники на мгновение замерли, с опаской глядя на спящих мятежников, еле освещаемых гаснущим костром. Те, сладко посапывая, безмятежно спали. Кашаф быстро сбросил с себя путы, пошарил за правым голенищем своего сапога и вынул оттуда короткий нож с широким лезвием.

– Этот дураки даже не догадался обыскать! – прошептал он с усмешкой, быстро и ловко перерезая путы у Михея. Затем начал осторожно обрезать веревки на руках Ефрема.

– Скорее! – поторопил Ефрем.

– Нельзя! Твоя рука сначала завязывать надо... Молчи, сам знаю!

Он проворно сбросил с себя рубаху и, туго обмотав ею кисть левой руки Ефрема, наконец обрезал веревки.

– Палец у тебя отрублен, кровь может весь вытечь, – сказал Кашаф.

– Вот что, ребята, отходим тихо в сторону, чтоб лошади не учуяли, в другую от них сторону... Медленно, без рывков, – сказал Ефрем.

Делая широкие осторожные шаги, они отделились сажень на тридцать от почти погасшего костра. Держа друг друга

за руки сначала перешли на быстрый шаг, вскоре побежали. Бежали пока не задохнулись. Ефрем хотел было остановиться, как вдруг словно на стену беглецы налетели на заросли камыша. Разом все повалились, сдавленно простонав, раздирая в кровь кожу о сухие стебли.

– Тихо, тихо! – испугавшись, отчаянным шепотом уговаривали они друг друга, падая в трещавшие заросли.

Упав, замерли и долго лежали прислушиваясь. В темноте слышно было только их собственное дыхание.

– Пойдемте дальше в гущу, – сказал наконец Ефрем и попытался подняться.

Он тут же со стоном снова повалился на острые стебли. Точно так же рядом рухнул Михей. Только теперь они почувствовали, как болят их босые израненные травой ноги.

– Кашаф, ты в сапогах, шагай впереди, мы за тобой... Терпи, Михей... Пошли, иначе утром догонят нас... – с трудом промолвил Ефрем.

Они снова взялись за руки и, сквозь боль и высоченные стебли, стали продираться в глубь зарослей. Долго шли цепочкой, Ефрем последним. Камыши смыкались за ними, спасая от возможной погони. Голыми ступнями Ефрем ощущал затвердевавшую почву берега степного почти высохшего водоема... Наконец, измученные, повалились они на упругие стебли и затихли в забытьи...

Ефрем очнулся оттого, что левая рука нестерпимо саднила. Над ухом звенела муха, а щеку припекало поднявшееся

уже высоко солнце. Он повел взглядом вокруг и увидел Кашафа, сидевшего, обхватив колени руками. Ефрем приподнялся, сел и огляделся. Михей уже не спал. Он лежал навзничь, прикрыв глаза сцепленными на лбу руками. Взгляд Ефрема скользнул по запачканным кровью и грязью босым своим ногам и остановился на сапогах Кашафа.

– Кашаф, как это тебе обувку-то сохранить удалось?.. Знакомцев что ли встретил? – спросил он.

– Ага! Они мне как знакомцу зуб вышибли и половина башка чуть не сняли!.. А за сапоги мой каптенармус благодарить надобно...

– Как это?

– А так это... Смотри!

Он задрал ногу и покрутил ею. Подошвы его сапог были сделаны из обрезков старых голенищ, кое-как сшитых кожаными ремешками. В дырах виднелись грязные портянки.

– Какой дураки такой сапог нужен?.. Каптенармус воровал... Цельный месяц обещал – не менял!.. Теперь помру с этими дырками... Шайтан!..

– Ты почему мне не сказал? – перебил его Ефрем, морщась от боли.

– Ты начальство, – спокойно ответил Кашаф, – и каптенармус начальство. Ты хороший, он плохой. Тебе скажу, каптенармус потом сожрет совсем.

– Ну, погодите, дай только доберемся до своих, я ему...

– Тихо! – встрепенулся Михей.

Все повернулись в сторону внезапного шороха в камышах. Подождали. Все было тихо. Только лениво шуршали на утреннем ветру листья камыша.

– Нет никого, – успокаивающе сказал Ефрем, – наверное, корсак или кот камышовый мышкует.

– Что делать-то будем? – спросил Михей. – Сидеть здесь – чего высидим?

– Надо в Оренбург пробираться... А кто видел, как меня взяли? – спросил Ефрем.

Кашаф рассказал:

– Когда тебя сшибли, меня заарканил казак. Я видел, как ты упал. Видел, как Михея дубиной свалили... Остальные прорвались и ушли... Бунтовщики подумали, что мы мертвые. Меня на аркане долго волокли... Вот наши и ушли. А я в памяти был. Петля аркана на руки угодила – не задушила... Сначала меня хотели прибить, но один киргиз-бунтовщик увидел, что мы живые, когда сапоги с нас снимали... Вот тогда вашу обувь взяли, а моя им ни к чему... Потом этот киргиз уговорил своих продать нас кому-нибудь... С мертвых, мол, проку мало...

Кашаф говорил по-татарски. Ефрем и Михей понимали язык.

«Значит, в ясырь я чуть было не угодил! – подумал Ефрем. – Мне бы это с руки, а вот вас, братцы, мне с собой тащить не хотелось бы!»

– Чего же они не повезли нас к своим? – вслух сам себя

спросил Ефрем.

– Думаю, – отозвался Кашаф, – они решили отъехать от своих, чтобы барыш не делить. Вот и заночевали в степи. Знали, что их не хватятся. Кто их там считает у бунтовщиков...

Помолчали. Ефрем осмотрел руку. Развязал окровавленную кисть. Ему помогли спутники.

– Хорошо еще, что они стянули тебе ее веревкой, – сказал Михей, – иначе вышла бы кровь, и давно уже с душой простился.

Кисть посинела. На месте отрубленного пальца чернел бугор засохшей крови. Видать, Ефрем много ее потерял. В ушах звенело, в теле была слабость, голова кружилась.

Кашаф разорвал свою рубаху, которой ночью перевязывал Ефрема, сделал новую повязку, получше. Руку подвязал кшее. Ефрем встал, преодолевая слабость. Оглядеться мешали высокие камыши. Посмотрел на солнце, определил, где юг. Сказал:

– Попробуем выйти по своим следам.

Они выбрались снова в открытую степь.

– По всему видать, мы у речки Донгуз или у озерца, недалече от нее, – сказал Михей.

– Наверное. А Оренбург, выходит, там, – ответил Ефрем, указывая в сторону против солнца. – Пошли туда.

Пройдя версты три, присели передохнуть. Чтобы сберечь израненные ноги, Ефрем и Михей обрывками своих рубах

обмотали их. Мундиры со всех троих сняли еще вчера бунтовщики. Теперь их спины припекало жаркое еще сентябрьское солнце. Они сидели среди холмистой степи, поросшей кустами пахучей полыни. Было тихо. Голод, волнения и безводие начинали сказываться. Передохнув немного, они едва поднялись. И тут сердца всех троих сжались безысходной тоской...

Прямо на них из-за ближайшего холма весело, не спеша ехал киргизский отряд, человек в полтора ста.

– Шайтан! – вскричал Кашаф, в отчаянии сжимая кулаки.

– Пришли... – с безнадежностью выдохнул Михей.

– Спокойно, братцы, пока еще не пропали! На все воля Божия! Стоим и ждем, – преодолевая слабость и волнение сказал Ефрем, а про себя подумал: «Ну вот, опять подоспел тот самый случай! Чудно... Видел бы это Потемкин! Я-то все голову ломал, а оно вон как оборачивается!»

Конники быстро окружили их. Постояли, молча разглядывая, не спешиваясь. Наконец плечистый молодой красавец-киргиз в лисьем малахае на ломаном русском спросил:

– Кто такой, путник, куда ходить будешь?

– Мы солдаты российские, идем в Оренбургскую крепость... Поможешь нам, тебя там наградят, – ответил по-киргизски Ефрем.

Родная речь в устах чужака несколько не удивила киргизов. В те времена на границах со степью почти все говорили и на родном языке, и на языке соседа. Тем в немалой степе-

ни держали хрупкий мир друг с другом. До больших драк не доходило.

– Наградят, говоришь... плетьюми, что ли? – спросил молодой предводитель отряда.

– Зачем плетьюми. Русские – благодарный народ...

– Народ – да! Начальники – нет!.. Они, воры, награду себе возьмут, а нас плетьюми прогонят! Это уже знаем!.. Вяжите их, – крикнул вожак своим воинам, – мы их лучше пристроим! На базаре в Хиве!

Несчастных беглецов с хохотом связали, усадили на заводных лошадей, правда, накинули на плечи какие-то лохмотья. Связали под лошадиным брюхом ноги и повезли в глубь степи, на юг, в сторону Аральского моря.

Ефрем тряся в седле и с грустной иронией думал: «Ну, вот, господин сержант, ты все искал пути, как в сердцевину Азии угодить? Все смекал, как ловчее притвориться? Понарошку хотел, дубина стоеросовая!.. Вот теперь не гадаючи, взаправду изопьешь придумки свои!..» Потом немного успокоившись: «... Да что это я, в самом деле!.. Прикидывали, придумывали, а оно само так сложилось, что теперь надобно о деле думать, как замыслили...»

* * *

А замышлялось все в Санкт-Петербурге, куда по тайному повелению молодого генерала Григория Александрови-

ча Потемкина привезли зимой в начале 1774 года из Нижегородского полка молодого сержанта Ефрема Сергеевича Филиппова. Поместили Ефрема тогда в незаметном домишке на окраине столицы. Молчаливые стражи его притеснений Ефрему не чинили. Напротив, хорошо кормили и уважительно обходились, но никому не показывали и никуда не выпускали. Сами с ним в разговоры не вступали.

Молодой, тридцати четырех лет от роду, широко образованный, умный и энергичный генерал Григорий Потемкин только что стал главой Российской Императорской Военной коллегии. Наметились реформа армии. Стали возникать грандиозные стратегические планы. Вспомнились идеи царя Петра Великого. Заманчиво было соединить торговым путем Индию и Китай с Европой через Россию. Но в индийский край этой дороги уже вцепилась Британия. Как далеко проникла она в середину Азии? Каковы планы у самих азиатов?.. Нужны сведения! Нужны люди для их добычи!..

К действию подтолкнул и грянувший осенью 1773 года на берегах Яика казачий бунт, быстро разросшийся до общероссийского. «А мог быть предводитель бунтовщиков Емелька Пугачев подослан кем-либо и за деньги? Чтобы ослабить, распылить российские войска... Кто ныне военный соперник России? Кому сие выгодно сейчас? Ясно – туркам! А через турок – англичанам. Увязнет Россия, с турками воюя да бунты усмиряя, – не будет угрозы британцам в Центральной Азии иметь могущественного военного соперника.

Есть ли угроза империи с бухарской стороны?»

Для европейцев Хива, Бухара были тогда загадкой. Тибет, Гималаи – вовсе неведомым миром. Напротив, азиатские владетели знали о мире и Европе больше, чем весь остальной мир о них. Тогдашние великие державы наперегонки бросились в Азию. Сказки о несметных богатствах манили. Опоздавший мог проиграть.

Потемкин понимал это. Он срочно стал искать людей для тайного собирания сведений о неведомых краях. Одним из них мог стать Ефрем Филиппов.

Сын вятского стряпчего духовной консистории, он с юных лет проявил себя способным ко всяким знаниям, «особливо к языкам». Причем, выучив основные европейские, он хорошо усвоил татарский и киргизский, а попав в Казань – уйгурский, от приезжавших туда азиатских купцов. Но всего более удивил он Потемкина знанием языков малых народцев лесной, северной части России. Генерал поразился, как Ефрем ловко сказывал мало кому ведомые вепские сказки по-вепски. Был Ефрем рослым и сильным молодым человеком. Как большинство образованных юношей в ту пору, грезил он военными подвигами. Стать чиновником, как отец, не хотел. В тринадцать лет записался добровольцем в Нижегородский полк рядовым. Аккурат в пору восшествия на престол императрицы Екатерины II. Уже через четыре месяца он по способностям своим произведен был в капралы. Дело воинское он любил и старательно изучал. Через пять лет стал сержан-

том. Далее сулился офицерский чин. Тут и отыскиали его люди Потемкина. Видно, тогда подробный учет и званиям, и знаниям в империи велся аккуратно.

Несколько раз уже встречались Потемкин и Ефрем. Генерал оказался дотошным до въедливости. Выспрашивал все до мелочей и про отца с матушкой, и про то, чему и как обучен, и даже просил давать оценки военным кампаниям разных лет. Ефрем осторожничал, пытаясь понять цель расспросов. Потемкин с интересом наблюдал, как сержант выбирался из оговоренных им разных щекотливых ситуаций. Наконец генерал раскрыл цель их встреч и рассказал, что ищет добровольца, крепкого и духом, и телом, но главное – головой. Чтобы помог сей волонтер узнать про все, «что в недостижимых пределах происходит, и как выгоду для Российской империи из того извлечь способнее». Но при этом надлежало никак не вмешиваться в происходящее в неведомых землях – только выведывать, и все. Не торопил. Две недели не появлялся. Давал подумать. Потом, как всегда, ночью, тайно, в простой одежде, не отличить от простого мужика, приехал.

Сидели вдвоем, в горнице с окнами, наглухо закрытыми ставнями. Между ними на столе лежала развернутая карта. На Потемкина спокойно смотрел молодой человек со скуластым смуглым лицом, черными бровями. Смотрел без дерзости, но и без смущения, прямо в лицо могущественного генерала.

– Ну вот, Ефрем, гляди сюда, – сказал Потемкин, кладя на карту раскрытую здоровенную ладонь, – весь юг и юго-восток от Оренбурга – сплошное белое пятно. О народах тамошних и намерениях их мы знаем, почитай, столько же, сколько здесь нарисовано. Хива, Бухара и далее – все магометане живут. Персия и Турция им по духу ближе... Знаем мы, что и там миру меж ними никогда твердого не было, но что мыслят правители тамошние, да и о самих правителях ничего нам толком неведомо... Попытки посольств, а тем паче экспедиций воинских, как при Петре Великом, терпели неудачу еще на подходах... Купцы только и носят сведения, да уж больно ненадежны они! Поэтому нам свой глаз там нужен.

Григорий Александрович встал, рукой удержал порывавшегося встать Ефрема. Прошелся по тесной горнице раздругой. Остановился у стола, опершись на столешницу руками, навис над картой.

– Из Лондона, из Парижа, из Амстердама послы доносят: великая драка идет между европейскими державами за господство над морями и особенно за Азию и Индию. России тоже пора свои интересы там заявить. Но тем мы поперек им всем тогда становимся. Нынче англичане и французы посылают морские экспедиции даже до Камчатки!... Мы поневоле станем втягиваться в драку с ними, ежели место великое хотим в мире занять. Что на это скажешь, Ефрем?

– Думаю, что надо бы упреждать их начать. Своих людей

всюду рассылать.

– Упреждать, говоришь? Верно... Только пока наши баре зашевелятся – гром трижды грянет!.. Пока что в Турции французы с англичанами нас обошли... Да и турок самих тоже за нос водят. Кровью янычар себе тропки мостят, а нас от южных морей оттесняют!.. Чужими руками жар гребут...

Замолчал, прошелся, остановился, скрестив руки на груди, продолжил:

– И так и эдак прикинуть, все едино получается. Если британцы в середину Азии проникнут, то придется России по всем сторонам воевать. Сие не по силам нам пока. Допустить этого никак нельзя... Прежде все разузнать про страны и дела тамошние надобно. И как потом союзниками своими их сделать?.. Да заодно и про то, не питает ли кто бунт нынешний с этой стороны?.. Эта смута – нам сигнал... Ее мы подавим... Но нам свои глаза там иметь теперь надобно непременно.

Потемкин помолчал, внимательно разглядывая Ефрема. Тот спокойно, без смущения и робости, не отводя взгляда, ждал.

– Коль ты согласился в этом деле государыне нашей послужить, думал как дело сладить, говори, что надумалось?

– Чтобы с большим доверием в самую сердцевину Азии попасть, удумал я, ваше превосходительство, действовать по обстоятельствам, но через кочевников... Там, может, куда и попаду – в какое ханство или государство... Для этого при-

кидываться басурманином ни к чему. На чем-нибудь споткнусь, тогда не пощадят. Крещеным татаринoм прикидываться – не годится. Из-за веры еще больше доверять не будут. Они для магометан отступники, хуже чужих... Просто в перебежчика – не поверят: с чего бы к ним-то?.. Выходит, нужно будет сказаться либо казаком-бунтовщиком, либо солдатом беглым, как получится.

– И что они с тобой сделают тогда?

– Отдавать за выкуп казака казакам или солдата русским властям они побоятся – казаки по пути могут отбить, да еще самих порубят, а с солдата... – Ефрем с опаской посмотрел на Потемкина.

– Говори, говори все как думаешь, без опаски... Нам в таком деле и неласковое слово впрок, – велел генерал.

Ефрем, будто в омут бухнулся, сказал:

– С солдата возвращенного им выгода невелика: дешево больно начальство наше благодарит за спасенных российских служивых!

– Тут ты прав, как ни поверни!.. У иных наших командиров такое не редкость! Путать изволят государственных воинских людей со своими крепостными и дворовыми!.. Оттого-то и бунты, как нынешний!.. Воровство кругом!.. Ладно, это потом. Продолжай.

– Так что проще азиатам или принять меня к себе, или вести на продажу в ближайший басурманский город. Убить, бог даст, не убьют, я, чай, в плечах не птенчик, а это они

ценить умеют. Выходит, к худшему надобно быть готовым!

– То есть? Поясни! – Генерал даже вытянулся от неожиданности.

– А в неволю к ним попасть намеренно, но ненарочито, – сказал Ефрем.

– Да ты что, – вскрикнул Потемкин, – в своем уме?!. Сам – в рабство!

– Как ни поверни – по-другому не получится, – спокойно и рассудительно ответил Ефрем. – Азиаты, ваше превосходительство, не дураки. Европейцы им хорошо ведомы, и не везде они их допускают. А разгадывать всякие загадки восточные люди – мастера отменные... Чтобы что-то выведать, мне не просто попасть к ним надобно. Мне там понятным для них стать надобно.

Потемкин с минуту сидел ошеломленный от таких рассуждений, потом встал, прошелся по комнате. Ефрем поднялся и ждал. Наконец генерал сел и жестом показал Филиппову сесть.

– А если под видом купца? – спросил Потемкин.

– Под видом купца не во все закоулки заглянуть можно. Вы сами это отметили. Всем ведь испокон веку ведомо, что многие купцы – соглядатаи.

– Ты прав, это наши доморощенные недоросли-бездельники инородцев за скот почитают! Я-то их на войне повидал, знаю, чего они стоят... Ну-ка ответь мне, а не боишься, что продадут тебя куда-нибудь на рудники или в пастухи, или

того хуже – на галеры, что ты разведаешь тогда?

– Ну, на галеры я точно не попаду – морей в тех краях не шибко много!

Генерал улыбнулся.

– Если попаду в крупный город какой, – продолжал Ефрем, – постараюсь выказать свою грамотность. Я же говорю – они не дураки. Цена такого раба сразу вырастет. А в рудник или в пастухи выбирают подешевше... Ну а там посмотрим. Знаниями да умениями придется доверие ихнее искать... Другого пути не вижу.

– Какую грамоту ихнюю знаешь?

– По-уйгурски писать и читать умею.

Весь разговор Ефрема и его манера держаться, эта твердость, его знания, наконец, поражали Потемкина.

– Да ты, отрок, понимаешь ли, на какую опасность себя обрекаешь?.. пыток и истязаний не боишься? Ведь это рабство!.. К тому же мне сведения нужны, а не мученик. С этим ты, пожалуй, в монахи подавайся.

– Ваше превосходительство, – продолжал возражать Ефрем, – все должно произойти натурально и для своих, и для чужих. Если у нас действует какой соглядатай, то не придаст значения – мало ли в степи в полон попадают. Дело обычное. Азиаты не поверят до конца ни нанятому, ни даже гостю. Только убедясь на деле в добрых чувствах, хотя бы и раба.

Потемкин насмотрелся всякого, но чтобы такого!.. Он некоторое время сидел молча, разглядывал этого необычно-

го молодого человека.

– Ты твердо решился? – спросил наконец.

– Я присягу давал, что живота не пожалею. Готов государыне и Отечеству послужить где нужно! – будто возражая, но без затей ответил Ефрем.

– Это хорошо, но скажи, как же ты сотворишь все это? Что, вот так выйдешь в степь и заорешь: мол, не надобно кому полоняника, дешево, мол, налетай! Так, что ли?

Ефрем засмеялся, не сдерживаясь. Улыбался и Потемкин.

– Нет, конечно, – ответил Ефрем. – Направьте меня куда ни-то поближе к тем краям якобы для продолжения службы, поскольку язык ихний знаю, а там я должен сам случай сыскать или использовать... Главное – убегать натурально, когда случится. Вот и вся хитрость.

– А ну как они тебя пленить не захотят и подстрелят, а?

Ефрем подумал немного, пожал плечами и сказал:

– В этом и есть риск!.. Помолитесь тогда обо мне – и все.

Потемкин встал, поднялся и Филиппов. Генерал обнял солдата, отстранил.

– Ну что же? Бывало, что и рабы первыми лицами государств становились. Из истории мы примеры имеем... Опыта у нас в этом деле пока мало, а вернее, вовсе нет!.. Дерзай! Все, что надобно для дела, – говори. Деньги, припасы?..

Ефрем качнул головой.

– Ничего. Все должно быть натурально. Ан ежели кто чужой доглядывает? Сразу смекнет: откуда, мол, деньги и про-

чее у простого солдата?

«Каков, а! Такого и отпускать-то жаль...» – подумал Потемкин.

Встреча их была не первой, и Потемкин всякий раз исподволь выяснял сметливость молодого воина. Придумывал ситуации, испытывая, как бы стал действовать Ефрем.

Помолчав, генерал сказал:

– Известия, если только с надежной оказией в Вятку, к батюшке своему отсылай, как сам придумал... Тайнопись и цифирную секретность так и не признаешь? По-своему секретить будешь, как прошлый раз сказывал?

– По-своему, я чаю, надежнее – и не спрятано, на виду, в руках держать можно, а не соединив знания, не найдешь, – улынулся Ефрем.

– Да, ты, пожалуй, прав... Ну, с Богом! – Потемкин перекрестил Ефрема. – Ступай, тебя проводят.

Филиппов поклонился и вышел. «Чаю, что мы тебе еще должны будем низко кланяться!» – со светлой грустью подумал Григорий Александрович.

* * *

Так начиналось. Теперь же отряд, захвативший Ефрема и его солдат, от колодца к колодцу, ведомыми только кочевникам путями, добрался наконец до северных берегов Арала. Амантай, так звали предводителя киргизов, выбрал оди-

нокий колодец на караванном пути, разбил свой стан и стал поджидать путников, чтобы продать пленных. Ждать, как понял Филиппов, можно было днями и неделями. Русских особо никто не охранял. Все понимали – бежать некуда. Относились к невольникам, как к лошадям на продажу. Среди киргизов нашелся знахарь. Он с усердием и, как показалось Ефрему, с любопытством лечил его раненую руку. Прикладывал жженую кошму, какие-то травы и вскоре дело пошло на поправку. Иногда Амантай расспрашивал Ефрема, сидя вечером у костра или днем в тени юрты, о России, о нравах ее и обычаях. Он оказался любознательным, сметливым и, в сущности, незлым человеком. Узнал он, что Ефрем не только языки знает, но и грамотен. А просто язык, что? На двух языках, почитай, вся степь говорила: и казаки, и русские, обитавшие по границе. Жизнь заставляла.

Сам Ефрем узнал, что отряд Амантая – люди из одного рода, из Младшего Джуса Киргизской орды, кочевавшей в окрестностях Яика. Все они, поссорившись со своим баем – главой рода – ушли от него, и бай поклялся всех их убить. В один из вечеров Ефрем спросил Амантая:

– Выходит, вы теперь между двух огней. К баю нельзя и к русским опасаетесь. И как же теперь?

– Может, к новому русскому царю, что у казаков объявился, – пожал плечами Амантай. – Только вот говорят, что он не настоящий Белый царь. Это правда?

Ефрем ушел от ответа. Он точно не знал, как восприни-

мали Пугачева именно эти люди.

– У нас есть поговорка: у каждого Бог в душе, а царь в голове. Мне теперь не про царя думается... А тебе, я чаю, только и осталось, что на большой дороге промышлять? На-долго ли?

– Ты прав, пожалуй, – вздохнул Амантай, помолчал и добавил: – А как долго – это один Аллах знает.

– Хочешь научу, как выкрутиться? – улыбнулся Ефрем.

– Ну, ну!.. И как же? – ухмыльнулся в ответ Амантай.

– Меня ты все равно продашь! Так?

– Так, так!

– Иначе тебе твои люди верить более не станут. А за меня, ежели сказать, что я еще и книжник, хороший барыш возьмешь. Ну, а эти, – он кивнул на своих товарищей, – ты посмотри, они еле ноги волочат. Кто на них польстится?

– Что же мне теперь, убить их что ли?!... – зло спросил Амантай.

– Упаси тебя Бог! Ты их в Оренбург отвези. Сквозь бунтовщиков ты пройдешь, а в Оренбурге начальству скажешь, что выручил их из плена. Выкрал, скажешь, у бунтовщиков. Сами они подтвердят, я их научу. Тебя и людей твоих наградят, охранную грамоту дадут. С ней ты под защитой российской Государыни пребывать станешь. Тебя и бай твой побоятся тронуть. Тогда – живи себе в степи спокойно своей волей!.. Сам баем станешь!

Амантай прищурился, колюче взгляделся в пленника, по-

думал и сказал:

– Хитрый ты, Ефремка, что же за себя не просишь? Или в невольниках лучше?

– А мне так нельзя. Крепость-то сдал я. В Оренбурге мне не поверят, что я солдат для службы спасал. Мне, как командиру, петля полагается за измену присяге... – вздохнул Ефрем и продолжил: – А невольник – не мертвец... Глядишь, и мне повезет!

– Ай да батыр, жаль, что не могу я тебя с нами оставить! Мои люди отощали. Золото нужно. А над словами твоими я подумаю.

– Смотри, Амантай, Бог свидетель! Вспомни закон степи – не обмани доверившегося!

– Я с этим законом вырос, – засмеялся Амантай.

Вскоре приказчик ходжи Гафура – знатного вельможи из Бухары, возвращавшийся туда с караваном, купил Ефрема и повез далее. Перед расставанием Ефрем рассказал своим сослуживцам все, о чем договорился с Амантаем. Просил их тайно сообщить в Вятку его отцу, что жив и в неволю угодил. Но надеется вырваться. Солдаты поклялись исполнить.

Отец оповестит Потемкина. Так уславливались. Генерал отыщет Кашафа и Михея, а те поведают ему все.

* * *

В Бухарском караване собрались купцы из разных мест и

с разным товаром, в том числе и живым. Пленники, числом около двух дюжин, шли без привязи, почти без охраны, потому что бежать было невозможно да и бессмысленно. Слишком глубоко ушли они в пустыню. Среди невольников были юноши и молодые мужчины. В это смутное время женщин далеко от домов не отпускали, а набеги творить на приграничные села работоторговцы опасались. Вот и ловили оставших или заплутавших, или по случаю, как Филиппова с товарищами.

Был в караване купец, армянин из Астрахани, по имени Айваз. Он приглядывался к невольникам, старался побеседовать с каждым, говорил иногда и с Ефремом. Помогал едой, давал обносившимся кое-какую одежду. Иногда сажал ослабевших на лошадь или верблюда и даже лечил как умел. Для окружающих ничего необычного в этом не было. Единоверцы всех религий в те времена часто вели себя так. Многие пленники не выдерживали, и слабые умирали. Хозяева позволяли похоронить умерших согласно обычаям, и через короткое время караван снова пускался в путь.

Однажды, когда хоронили юношу, украденного где-то на берегах нижней Волги, все, стоя на коленях, творили молитву у свежей могилы. Подошел Айваз, опустился на колени рядом с Ефремом. Крестясь, сказал:

– Ефрем, мы скоро расстанемся. Караван вошел в пределы бухарские и разделяется. Хочу дать тебе один совет.

Ефрем вопросительно взглянул на купца, промолчал. Ку-

пец подождал конца короткой молитвы. Когда все поднялись с колен, они зашагали рядом.

– Пленник ты необычный, заметный, к тому же воинское дело – твое ремесло. Если хочешь избежать тяжелой участи в неволе, больше оказывай почтительности, а главное, постарайся выказать свои знания в оружии огнестрельном и в воинских, европейских приемах. Бухара удалена от Европы, а ее враги – Персия и Турция – приближены. У них много советников, присланных европейскими государями. Бухарским правителям кажется, что поэтому они могут быть слабее своих противников. Если ты сумеешь просветить их на этот счет, то избежишь участи раба и сможешь даже высидеться. Только помни, доверять тебе станут не вдруг. Ко многим коварствам приготовься. Они захотят твои знания перенять, но тебя до себя допустят неохотно... Во всем будь сильным. Здесь сила тела и духа есть главный Бог!

– Спасибо за совет, – сказал Ефрем. – Отплачу ли когда за добро твое?

– Не печалься, Бог даст, еще свидимся. Я не первый раз этими путями торговыми хожу. Аж до городу Кашкару. Меня во всех караван-сараях знают... Выкупил бы я тебя, да вызнал, что ты для дара предназначен, не продают... Ну, прощай, брат, удачи тебе!

– Прощай, – вздохнул Филиппов, – счастливый тебе путь, добрый человек...

А сам подумал с усмешкой: «Видать правду говорят – не

всякое добро впору и не всякий подарочек впрок! Выкупил бы ты меня – все сначала начинать бы пришлось!»

* * *

Караван вошел в приграничный город Бухарского ханства Варданзу. Филиппова отвели в дом купившего его приказчика. Здесь его перво-наперво чисто вымыли. Лохмотья с него сожгли, а взамен дали шаровары, длинную до колен рубаху без воротника. Подобрали для его плеч ватный халат, на ноги – чувяки из кожи. Все старое, но чистое. Голову обрили, бороду оставили... В общем, сделали так, чтобы не очень омрачал взор начальства, но и без особых затрат. Еще и потому, что в этих местах издавна ценили чистоту. Представления у европейского обывателя о нечистоплотности азиатов происходили от выдумок захолустных или придворных краснобаев, сроду не вылезавших за собственную околицу. А здесь климат таков, что если не соблюдать чистоту во всем, то непременно чем-нибудь заразишься. И если бы не чистоплотность, народы здешние давно вымерли бы от болезней. Ефрем знал это раньше. Здесь убедился воочию. За месяц он уже сносно стал понимать и изъясняться на бухарском языке. Работу ему пока определили – помогать слугам в доме: принести, подать, почистить, подмести... Старался исполнять все, что прикажут, споро, с толком. Хозяева его все это примечали. Они вовсе не были доверчивы и наивны. Фи-

липпов для них был не просто раб. Он был прежде всего чужой, из мира иных представлений, обычаев, веры. А это всегда самое загадочное и потому – самое пугающее. К тому же все знали, не укрыли этого и от самого Ефрема, что он будет подарен кому то из важных персон. Приказчик ходжи Гафура купил Ефрема не торгуясь, когда узнал, что этот невольник грамотей отменный. Ему давно было велено таких рабов отыскивать и покупать. Хозяин их потом с выгодой продавал или даже дарил. За Ефремом приглядывали особо: имущество господина должно содержаться в полном порядке.

На родине, общаясь с татарами и башкирами, Ефрем усвоил, что восточный человек обладает богатой и острой чувствительностью. Чтобы от него многое узнать, нужно много струн его души открыть. Чтобы не обидеть – в меру удивляться. Чтобы скоро не надоесть и поддерживать взаимный интерес – незачем через край восхищаться. Сами искусные, когда нужно, льстецы, эти люди быстро утрачивают к собеседнику интерес, если льстивые речи его убоги и прямолинейны. При этом на Востоке вообще не принято показывать все, что на душе, без обиняков. Это скорее вызовет подозрение в коварстве, в наличии каких-то тайных помыслов. Вопреки представлениям об их дикой необузданности, чувство меры и выдержанности здесь ценится выше горячности. Удадь должна быть уместной. Вспыльчивость считается признаком глупости. Словом, на всякое действие должна быть веская причина. Завоевать откровение и искреннее доверие

здесь весьма не просто. Его нужно заслужить. И тогда только будет оно самым полным и самым искренним.

Ефрем проверил свои догадки в первые же недели неволи. Он понимал, что о его повадках будет доложено со всеми подробностями. От этого будет зависеть его судьба и судьба задуманного предприятия.

Спустя месяц к приказчику, державшему Ефрема, прибыл есаул от ходжи Гафура с небольшим конвоем и увез русского в Бухару.

* * *

Дом ходжи Гафура был богат. За высоким дувалом с деревянными воротами и калиткой, покрытыми тонкой резьбой и разноцветным крашеным орнаментом, устроен просторный сад. Посреди сада – небольшой бассейн. Охватывая бассейн с трех сторон, располагался большой, двухъярусный дом. Второй ярус поддерживался деревянными колоннами и арками, тоже испещренными резным замысловатым узором. В безлесном этом краю дерево ценилось дорого, поэтому при строительстве и в быту оно тщательно украшалось. Все кругом чисто выметено, дорожки вымощены плоскими плитками из обожженной глины. Слуги ходят без шума и суеты. Все располагает к спокойствию и неге. Ефрем отметил про себя, что внутреннее убранство домов здешней знати предназначено создать мир и покой взору, дать отдых душе. Дом пред-

назначен служить его хозяину, а не на зависть соседям. Для внешнего куражу больше служит одежда, богатая упряжь и оружие, множество слуг в сопровождении. Не внешний вид дома, а наличие гарема в нем – вот что признак богатства. Дом же – это жилище и собственный мир. Что внутри дома – должно быть тайной для окружающих. Только дворцы ханов, эмиров выделялись внешней роскошью. Тем подчеркивалась высшая власть.

С первых минут в доме Гафура Филиппов почувствовал жесткость в обращении. Никто не кричал на него, но и не разговаривал подолгу. Его поместили в какую-то узкую каморку позади дома, слуга принес лепешку и глиняный кувшин с водой. Ушел, дверь не закрыл, присел неподалеку на корточки. Он не смотрел в сторону нового невольника, но Ефрем понимал: сторожит. Было холодно. Уже вечером истомленного ожиданием и неизвестностью, продрогшего Ефрема привели в покой.

В большой комнате с узкими окнами, украшенными узорами и разноцветными стеклами, с завешанными коврами стенами, было тепло. На просторном диване, в груде подушек, развалясь сидел сам хозяин – ходжа Гафур – полноватый мужчина лет тридцати, с густой подстриженной черной бородой. Рядом с ним в шелковом зеленом халате и белой чалме сидел старик с белой как полотно небольшой бородой на очень смуглом лице. Сидел свободно, но не развязно. У обоих на ногах богатые сапоги. Перед ними резной столик

с фруктами. Ефрем удивился. Он ожидал увидеть роскошные одеяния на хозяине, но тот был одет в дорогой неяркий малиновый халат, на голове маленькая круглая шапочка с цветной вышивкой, на указательных пальцах обеих рук по два небольших перстня, в руках янтарные четки. Комната ярко освещена настенными масляными светильниками. Позади господина стоял здоровенный детина с саблей у пояса, в доспехе и шлеме – телохранитель.

Слуга, приведший Ефрема, остановил его в трех шагах от сидевших, резко надавив ему на плечи, заставил опуститься на колени, ткнул в затылок, согнув в поклон и отошел на шаг. Ходжа знаком руки отправил его. Слуга тихо вышел, тщательно прикрыв узорчатую дверь. Некоторое время Ефрем сидел в тишине, не шевелясь.

– Распрямись, – услышал он голос хозяина.

Старик перевел, но Ефрем понял и без перевода. Он поднял голову. Ходжа еще помолчал, казалось, бесстрастно разглядывая раба, потом спросил:

– Расскажи, кто ты и откуда?

Старик перевел. Ефрем отметил, что он говорил по-русски свободно.

Обращаясь прямо к ходже, Филиппов на сносном бухарском коротко рассказал, кто он и откуда. Как ни изображали хозяева спокойствие на лицах, но от пленника не укрылось приятное удивление в их глазах. Они были извещены, что Ефрем освоился в языке. Но так быстро и хорошо не ожида-

ли! Это вызывало уважение и любопытство пополам с опасением.

– Ты ловко говоришь по-нашему... Где сему научился? – спросил Гафур.

– До того, как в плен попасть, почитай что с детства потатарски знаю, а ваш язык схожий во многом. В плену я уже два месяца да прежде того ваших торговых людей в городе Оренбурге много видывал, вот и выучил.

– Говорят, в России бунт великий случился. Правда ли, что муж вашей нынешней царицы, ею свергнутый, на нее казачков с Яика поднял? – задал новый вопрос Гафур.

– Бунт большой был, это верно, – ответил Филиппов. – Только не настоящий царь то сотворил. Настоящий давно помер, вот и стала править его законная жена, императрица наша нынешняя. А бунт учинили воры и разбойники во главе с самозванцем. Беглый вор объявил себя царем, чтобы привлечь к себе народу поболее, но казаки с Яика не все его поддерживали... Когда я в полон угодил, его уже громить начали... Меня пленили...

– Я знаю, как ты попал в плен к кочевникам, – перебил его Гафур. – Знаю также, что уговорил ты их за выкуп вернуть своих товарищей на родину. – Тон ходжи становился все жестче. – Почему же за больший выкуп не уговорил их и тебя освободить? Будто нарочно уходил от своих... и язык наш тебе ведом!.. А не подослан ли ты к нам случаем, а?! – нахмурившись, закончил он почти зло.

Ефрем почувствовал сосущий комок под ложечкой. Во рту пересохло. Он давно понял, что здесь не церемонятся, и пытка, если захотят, будет ужасной. Или просто зарежут, как барана, и не почешутся. «Видать, ошибался ты, Ефрем-ка, когда рассуждал, сидя с Потемкиным. Когда Григорий-то Александрович ужасался, все понимал он лучше тебя, мил друг!» – мелькнуло у него в голове. Не удержав волнения, вслух сказал:

– Помилуй, господин, кто-то оговорил меня перед тобой, все не так на самом деле...

– Оговорил?! – вскричал Гафур. – У меня по-твоему своего разума нет, если я всем разговорам только и верю? Говори тогда уж и ты, как было! Но учти, гяур нечистый, если увижу, что врешь – сдохнешь под пыткой!

– Меня прислали служить в Оренбург потому, что язык кочевников знаю. Начальство меня не больно жаловало. Не любило мое начальство, что я грамоте обучен, – Гафур слегка повел бровью, Филиппов заметил, – вот и взъелось оно на меня. Тут бунт на Яике случился. Меня и постарались с глаз долой спровадить, под пули, значит... Коль ты знаешь, как я к кочевникам попал, то, верно, сказывали тебе и про то, что чуть не убили меня бунтовщики... И в полон я не своей волей напросился... А выкупа за меня все равно не дали бы. Перво-наперво потому, что некому заплатить, а второе, что ежели меня само начальство заедало, ужели поверили бы в то, что не изменял я присяге, не струсил?.. Не-е-т, мне все

едино уже тогда петля была бы! А плен – не всегда могила!.. Коль на родину путь заказан, то к новой жизни приспособиваться надобно. Я так рассуждал, господин мой.

– Если ты так верен присяге, может, и сейчас нам врешь? – тихим голосом, по-русски спросил старик, до этого внимательно, молча разглядывавший Филиппова, и быстро перевел свой вопрос Гафуру.

– Не лгу я. Что даст мне ложь? Одни мучения. Совесть моя чиста... Ничего не боялся я, а несправедливой кары от начальников своих дома боюсь!

– Ну а если мы тебя заставим нам служить, тогда как? Придется долг нарушить? – с усмешкой спросил Гафур.

– Смотря в чем служба будет, – потупился Ефрем, – ежели против своих погонишь, лучше убей. А ежели против твоих врагов, не на Россию, тогда другое дело... Среди твоих врагов, я чаю, русских пока нет. Тогда и честь и совесть сохраню.

– Хорошо, солдат, – усмехнулся старец, – я знаю русских воинов, многие из них присягу соблюдать умеют... Я мулла и подолгу жил в России, в Казани бывал, в Астрахани... До Москвы добирался! Поэтому ваш язык знаю. Так что учти, ежели во вранье замечен будешь, почтенный хозяин твой с тебя живого шкуру сдерет.

– Ты все понял? – строго спросил Гафур.

– Да, господин, – поклонился Ефрем.

Гафур хлопнул в ладоши. На пороге появился слуга. Ход-

жа показал на русского.

– Держать сегодня отдельно. Уведи.

Ефрема отвели в небольшую комнатку с голыми стенами. Переодели, как всех слуг – простая полотняная рубаха до колен, такие же шаровары, ватный полосатый халат и кушак, на ноги дали ичиги из грубо выделанной кожи, голова осталась непокрытой. Одежда простая, но уже неветхая, как прежняя. В комнате на полу лежал тюфяк, набитый соломой. Ефрему принесли остатки плова и кринку воды. Дверь на ночь заперли снаружи железной скобой с замком. Светильника не было. Он поел в темноте, на ощупь и, усевшись на своей новой постели, прислонился спиной к глиняной стене, обхватил колени руками. Пережитое волнение чуть улеглось. Спиной он ощутил, что стена теплая и в каморке тепло, не в пример той, где он сидел днем. Ефрем уже знал, что в здешних богатых домах часто устраивают такие полые проходы в стенах, в которые зимой пускают дым от очага, а летом устраивают сквозняки да еще вешают на стены кошму, которую слегка поливают водой. Потому в доме тепло зимой и прохладно в жару... Он стал вспоминать и осмысливать все, что удалось уже видеть и слышать.

«...Выходит, верно, что здешние правители неплохо осведомлены о делах в России... Даже в эти смутные времена. И живут подолгу в русских городах, и единоверцев у них в России немало». Прав оказался и сам Ефрем. «Далеко не дикie места и народы здешние, как это часто представляют до-

морозенные наши краснобаи... Но помогали они разжигать мятеж на границах России или нет? Ежели готовили бы поход, — думал Ефрем, — то не укрылось бы войско и обозы. А таковых за все эти месяцы нигде не видно было. С киргизами кочевыми, это и Амантай говорил, бухарцы тоже не совсем в ладу. Бухарцы их самих часто в полон ловят. Стало быть, Амантай бы знал о наличии больших военных сил на границах Бухары. Но он без боязни вступил в торг с бухарцами на границе при равной численности отрядов. Значит, никаких лишних сил воинских и приготовлений здесь нет... Но зачем бухарские начальники живо интересуются делами на границе России? Выгоден ли им этот бунт и если да, то чем?.. Амантай сказывал, да и киргизы, которые в Оренбург наведывались, что между киргизскими вождями разных джусов постоянное соперничество за султанский титул идет. Значит, против России войной не пойдут, наоборот, каждый из них ищет поддержки могучего соседа. Но ежели промеж бухарцев и киргизцев ладу нет, то бухарцам прежде киргизцев завоевывать бы пришлось, чтобы до наших границ дойти. Выгоден ли Бухаре мятеж на нашей границе?...» Так размышляя, Филиппов тихо заснул.

* * *

Проснулся он в темноте, когда у дверей каморки загремели запорами. Дверь отворилась. Подсвечивая себе малень-

ким масляным светильником, появился слуга и позвал:

– Эй ты, выходи, иди за мной.

Они вышли на задний двор, прошли на конюшню. Ефрему дали большой совок и метлу, велели вычищать стойла. Принимаясь за работу, он заметил, что хорошо одетый крепкий молодой человек в небольшой, туго сидящей чалме, пристально разглядывал его, Ефрема. Бросилась в глаза выгоревшая русая борода и белесые брови парня. Он был явно не азиатом. Ефрем, словно не замечая, что за ним следят все, кто был на конюшне, споро принялся за работу. Переходя от стойла к стойлу, он подошел наконец к тому месту, где стоял ухоженный молодец.

– Здорово, земляк! – сказал тот негромко по-русски.

Ефрем поднял голову и наткнулся на взгляд, из которого, казалось, сочилось наслаждение превосходством.

– Доброго здоровьичка... – изображая смущение от того, что не может подобрать титул, ответил Ефрем.

– Откудова прибыл-то, – начал было парень с гонором, но спохватился и, изобразив добродушие, добавил, – да ты не егози, не егози. Со мной можно запросто, мы же земляки.

«Холуй, – подумал Ефрем, – с тобой только и остается, что по-простому!» За короткое время Ефрем усвоил про пленников, что иного борьба за жизнь может толкнуть и на гнусность. Благополучный облик незнакомца и его нескрываемое чувство безнаказанности насторожили Ефрема.

– Да я вроде не прибыл. Меня доставили, – сказал он. Па-

рень громко засмеялся. Ефрем продолжал: – Служивый я из Оренбурга... Попал вот как кур в ощи́п.

– Ну, это пока не ощи́п, – похлопывая ногой по раскрытой ладони, подхватил незнакомец. – Ощи́п, братец, в рудниках серебряных или на поле хлопковом. Там так ощи́пают, хуже, чем в пекле! Больше года никто не выдерживает! А здесь, можно сказать, рай! Опять же для тех, кто с умом, конечно.

Парень внимательно посмотрел на Ефрема.

– Оно, конечно, так. Ежели с умом-то, тогда да-а, – согласился Ефрем. – Только поди же угадай, что тут за ум-то почитают?

– А это, братец, не мудрено. Ты говоришь, служивым был?.. И я служил... Барину служил, как отцу родному, можно сказать!..

Парень запнулся, словно искал, чего говорить дальше. Вдруг заговорил возмущенно:

– Мы кому присягали служить, а? Государыне и Отечеству? А ответь-ка мне тогда, братец Ефремка, что же она, стерва немецкая, – он снова запнулся и покосился на Ефрема, – не спасла меня, верного солдата своего, когда мой барин – командир батальонный, меня, слугу Отечества, киргизам продал, чтобы долг карточный покрыть?.. Это как, а?

– Ну, императрица и не могла знать про то... – робко возразил было Ефрем, но только распалил незнакомца.

– А другие офицеры и начальники что же?.. Брось, это

потому, что я им всем, господам-то нашим, только и надобен, как скот. В отместку этим же киргизам я помог ограбить полковую казну да вместе с ними и бежал. К тому же они вовсе и не киргизы были, а бухарские караванщики. Мы тогда под Астраханью были, ну, оттуда напрямик сюда. Они хорошо поживились тогда. Меня за это наградили. Я теперь здесь вроде главного конюшего... А ты, брат Ефремка, спрашиваешь, что за ум почитается. Ты им послужи, и они тебя не оставят.

«А ведь я вроде не говорил тебе, землячок, как меня звать-величать. – Подумал Ефрем, – и про Отечество, барина, государыню ты понес ни с того ни с сего? Не значит ли это, что подсыл ты?»

– Ты вот что, когда тебя спросят, – продолжал новый знакомец, – сказывай все как есть и что знаешь и что особенно важное ведаешь.

– Спасибо за совет, не знаю только, как звать-величать тебя, добрый человек, – поклонился Ефрем.

– Романом зови меня, а для них я, – он кивнул на остальных слуг, – дабаша, по-нашему значит капрал. – Эй вы, – крикнул он на ломаном бухарском двум своим подручным, стоявшим без дела у ворот конюшни, – отведите его назад в камору, не запирайте, но приглядывайте, – по-русски добавил, – я уже сыщу тебя, свидимся. Иди с ними.

«Дурачина, не удосужился даже спросить, понимаю ли я по-ихнему. Видать, и впрямь тебе место на конюшне тиран-

ствовать да злобу свою вымещать на ком ни попадя», – подумал Ефрем и пошел за прислужниками.

Вечером его снова привели в покои хозяина. Ходжа Гафур и тот же мулла снова расспрашивали его о России, о порядках в ней, о войне с турками. Филиппов сказал, что сам на той войне не бывал и ничего поэтому ценного сказать не может. На этот раз про пугачевский бунт не спросили ни слова. Мулла любопытствовал, как обучают юношей из богатых семей и где обучался сам Ефрем. Узнав, что его всему учил сначала отец, потом он своим умом от разных встреченных грамотеев знаний набирался, одобрительно кивал и цокал языком. Когда Ефрема снова увели в камору, ходжа спросил своего гостя:

– Что скажешь, почтенный Карим-ака? Уже больше месяца мои люди наблюдают за этим русским. Кроме того, что подозрительно хорошо он несколько языков знает, ничего не усмотрели.

– А старший конюх твой что говорит?

– А-а-эй! – с досадой протянул Гафур. – Дурак этот Роман, только и знает, что красть, выпрашивать подачки да еще оговаривать всех! Я держу его при себе, чтобы невольники ненароком не сплотились. Пусть сеет раздоры меж ними – мне спокойнее... Похоже, Ефрем быстро его раскусил. Как мне донесли, он дурачка из себя перед Романом покорчил, тот перед ним петухом попрыгал, на этом все и кончилось...

– Подозрительно мне то, что такой книжник и знающий

человек, а дела ему на родине не нашли, как только в дикие степи загнать, – сказал мулла. – Я видел в России военных и чиновников, не все они такие уж тупые самодуры.

– Ну почему же, – возразил Гафур, – а Романов господин чем не пример?.. Своих воинов продал! Полководец!.. Все не все, но многие.

– Правду сказать, это так, но и сам Роман, пожалуй, лучшего не достоин. Уж больно пакостный человек.

– Ну хорошо, посчитаем, что лазутчик этот Ефрем. Тогда скажи, ты согласишься, что через рабство он решится к нам проникнуть? Риск попасть в гиблое место куда больше, чем что-то важное высмотреть. Если он не дурак, то поймет это, а если дурак, то не додумается.

– Ты верно рассуждаешь, мудрый ходжа Гафур, – задумчиво проговорил мулла Карим. – Но если ты задумал пристроить в качестве подарка умного и преданного тебе человека к своему великому тестю, правителю нашей славной Бухары, почтенному Данияр-беку, да продлит Аллах его годы, то будь терпелив и последователен. Подарок тщательно готовить нужно. Иначе подари ему коня или верблюда.

– Подарил бы, да эти твари, как бы хороши и дороги они ни были, все равно говорить не умеют, – засмеялся Гафур, – хотя уж точно не лазутчики. Я в этом случае ничем не рискую. Но мне надо знать все, что происходит вокруг моего высокого родственника... чтобы быть ему опорой в нужный момент, разумеется.

– К чему спешить? Не лучше ли сделать так, чтобы правитель сам увидел твоего раба и сам захотел заполучить его. Мне говорили, что твой могущественный родственник не очень любит, когда его подданные превосходят своего господина. Тем более в имуществе, – улыбаясь сказал мулла. – Кроме того, для начала сделай преданным тебе самого раба.

– Это мысль! Хорошая мысль! – посерьезнев, ответил Гафур – Я подумаю над этим, уважаемый Карим-ака. Спасибо тебе за совет. Аллах наделил тебя великим разумом и сердцем преданного друга.

Он поднялся с дивана. Встал и мулла.

– Спасибо и тебе, мой высокочтимый друг Гафур, – ответил Карим, – я надеюсь, что не раз еще смогу послужить тебе с пользой!

«Не забывая при этом и своих выгод, – подумал Гафур. – Я ведь знаю тебя! Непременно вскоре прибежишь одалживаться. Забывая, что уже должен сверх меры!»

Отвесив друг другу прощальные поклоны, они расстались.

Дней десять Ефрема гоняли на конюшню. Он чистил стойла, носил корм и воду, словом, делал все, что приказывали. Роман вертелся тут же, нес что-то вроде сплетен, бахвалился, расписывал, как удачно он устроился. Среди невольников на конюшне работали еще двое русских и двое персов, все молодые и крепкие ребята, но сломленные духом и покорно прозябавшие день за днем. Всех их вместе с Ефремом

поселили в одном тесном сарае. Спали они на соломенных тюфяках, ели скудно, но не голодали. Всех заставляли часто чистить и стирать одежду – боялись заразы.

Однажды, ближе к вечеру, один из русских невольников чем-то не угодил Роману. Ефрем не видел, но слышал, как тот кричал, когда Роман стегал его ногой. Вплетенная в конец плетки галечка оставляла на теле раба мгновенно вздувавшиеся кровавые шишки, некоторые из них кровоточили, и на рубаше проступали красные пятна. Неизвестно, как долго продолжалось бы истязание, если бы один из рабов-персов не прибег к хитрости. Ефрем видел, как он, подобрав с полу тонкую острую палочку, через щель перегородки, отделявшей стойла, резко ткнул ею стоявшего там молодого жеребца. Испуганное животное, и так уже взволнованное стонами несчастного, вспрянуло, раздалось истошное ржание, и конь заметался. От неожиданности и испуга, постоянного спутника мелких тиранов, Роман отскочил от своей жертвы, стал затравленно оглядываться, тяжело дышал. Удостоверившись, что ему ничто не угрожает, он прекратил истязание, но сказал зло:

– Услышу про супостата еще раз, Семен, я те рыло сворочу! Помни, кто ты и кто я теперь! – Сплюнул и ушел.

Молодой перс, так ловко остановивший избиение, не меня согбенной позы, смотрел на Ефрема. На бледном его лице выступили капельки пота. Обнаружив, что Ефрем видел его проделку, мальчик страшно испугался. Если бы русский

выдал его Роману, то по подозрению в порче такой ценности хозяина, как лошадь, парня запросто могли бы убить. Смотрели на них и остальные невольники. Все молчали, только тяжело стонал, опустившись на пол, избитый. Ефрем подмигнул персу, улыбнулся одними губами и, отложив метлу, поспешил к несчастному. Общее напряжение спало, и все рьяно принялись за работу. Ефрем оглянулся в недоумении. Второй перс незаметным движением руки предостерег его. Тут наказанный шепотом по-русски сказал:

– Не надо, брат... Беду накличешь... Стой там... Я сам...

Он на четвереньках пополз в дальний угол конюшни.

Ночью, когда невольники при свете луны, пробивавшемся сквозь затянутое бычьим пузырем окно, отирали истерзанное тело своего товарища тряпками, смоченными в воде, Ефрем узнал, что оба русских невольника и Роман – бывшие русские солдаты из одного полка. Что действительно были они проданы проезжим бухарцам в покрытие долгов. Роман был денщиком у их командира, а они – простыми солдатами. Роман вечно приворовывал у хозяина, тот его нещадно сек, но ничего не помогало.

– От его, от Ромки-то, барин наш, может, давно хотел избавиться, а нас продал... потому что приспичило, и, на наш грех, мы ему на глаза попались, случайно... Ему, видать, ироду, все едино: что лошадь, что мужик... А Ромка-христо-продавец ихнюю веру принял, подлец!.. Как узнал, что по обычаю у них за это жалуют, да еще в грабеже казны пол-

ковой помогал. Ему, значит, и вышла поблажка... Вот он и старается, да так, что и своих, и чужих не щадит...

– Ты тихо, тихо, Семен, молчи, силы не трать, – прошептал Ефрем, – ненароком услышит кто!

– Этих не опасайся, – кивнул Семен в сторону рабов-персов, – эти лучше иного своего, сами горе такое же мыкают. Их ведь тоже умыкнули... И ты не смотри, что они басурманы. Бухарцы на персов очень лютые... Похуже, чем с нами даже... Ох, видать, так-то век и промучаемся!..

– Ты не разговаривай, тебе сейчас уснуть надо бы. Сон, он подлечит...

Ефрем долго не спал. Тоска навалилась на сердце от увиденного и услышанного. Еще раз он убедился, что нужно быть очень внимательным и осторожным в действиях и словах. Следовало помнить: здесь ты раб, и любая прихоть хозяина и самого последнего его слуги могут закончить не только дело, которое затеял, но и саму жизнь... Предательства можно было ждать и от «братьев по крови», и от чужих. Он вдруг вспомнил, как Айваз сказал ему, что он пленник необычный. «Значит, слишком бросилось зоркому человеку это в глаза! А чем теперешний хозяин мой хуже? Судя по всему, человек он умный и знает о ближних и дальних странах немало...» Почему он так дотошно расспрашивал именно его, Ефрема? «Может, лучше хотел узнать того, чью грамотность собирался употребить себе на пользу?.. Кажется, подействовало то, что я грамотей, но это же может положить и конец всему...»

Еще в России Ефрем наблюдал удивительную схожесть в страстях, с которыми относились к грамотеям и христиане, и мусульмане – как священники, так и обыватели. Это было либо страстное преклонение, либо безграничный страх и потому фанатичная ненависть... «У них своих книжников, похоже, предостаточно, – думал Ефрем. – Как свободно говорил мулла по-русски!.. А как в званиях и чинах российских разбирается, об обычаях и правилах судит, словно нарочно учил кто... Хотя что это я? Раз он сам говорил, что подолгу у нас жил, значит, не на прогулку ездил. Ясно, что, как и я, неспроста... Почему же они вдруг перестали мной интересоваться?.. Теперь ясно: все, что им захочется узнать о России, они и без меня узнают... Остается одно – опасаются, не подсыл ли я. Но тогда почему держат на конюшне? Следят? А что по-ихнему важного можно здесь вывести?..» В таких раздумьях Ефрем мучительно засыпал вот уже несколько ночей.

* * *

Однажды утром Роман остановил Ефрема и приказал идти за ним. Его привели в баню, чисто вымыли, тщательно побрили голову, коротко подстригли бороду и усы, одели в атласную рубаху с кушаком, шаровары и мягкие желтые кожаные сапоги. На голову повязали небольшую чалму со свисающим до плеча концом материи.

– Ну вот, видишь, – сказал Роман на новый облик Ефрема, – я же тебе говорил, потрафляй им и будешь с выгодой!.. Ты меня, брат, слушай... Мы с тобой должны друг друга держать. Я за тебя тоже словцо замолвил, ну и ты по случаю не забывай меня...

В комнату, где одевали Ефрема, вошел смуглый до черноты человек с кинжалом за поясом, с саблей на боку и ногой в руке, одет богато.

– Что ты тут делаешь, грязная собака?! – с ходу заорал он на Романа. – Тебе было сказано привести раба и все. Что ты как шакал вертишься, вынюхиваешь! А ну, пошел к своему навозу! – Будто молнией огрел он прохиндея плеткой. Вслед засеменившему Роману добавил: – И поменьше уродуй имущество нашего господина, иначе сам будешь чистить стойла!

«Поделом подлецу! – с радостью подумал Ефрем. – А быстро у них доносят друг на друга! Сколько же шпионов кругом? Осталось, чтобы хозяин сам за собой шпионил...»

Пришедший внимательно осмотрел внешний вид Ефрема и кивком приказал следовать за ним.

В покоях, в которых уже бывал Ефрем, их встретил ходжа Гафур. Одетый в богатый халат и чалму, он держался без лишней грозности, просто. Ефрем успел заметить, что хозяин даже в отношении слуг не поступает бессмысленно. У него все было подчинено разумности и полезности. При этом казалось, что делает он это легко и естественно. Такое поведение подкупало и делало собеседников доверчивыми. Еф-

рем внутренне напрягся, боясь, что в этом кроется какой-то подвох. Сопровождавший его служитель согнулся пополам в низком поклоне, одновременно правой своей рукой толкнув Ефрема на колени.

– Поднимись, – коротко приказал Гафур Ефрему. Тот выпрямился, но остался сидеть на корточках.

Гафур указал на приведшего его слугу и сказал:

– Это Шариф, мой главный приказчик. Он научит тебя, как ты должен вести себя в моем доме. Ты теперь подчиняешься ему, и будешь у меня толмачем и помощником, – он жестом отослал Шарифа. – Ты должен хорошо усвоить: если будешь со мной искренним и честным, жизнь твоя станет сладкой и сытой. Не усвоишь – ты мне не нужен, значит, тебе уготована участь грязного раба. Все понял?

– Благодарю тебя, мой господин, – Ефрем плюхнулся лбом в пол, как его успели научить еще в доме приказчика.

– Пока ты не обманул нас. Когда ты был у моего приказчика в Хиве, потом здесь в Бухаре, в Оренбург ходил мой торговый караван. Теперь вернулся. У нас свои торговые подворья почти во всех ваших пограничных городах. Мои люди дознались. Тамошнее начальство действительно считает тебя виновником сдачи Донгуза. Так что назад тебе дороги нет. Выходит, выбор у тебя невелик и ты во власти моей полностью. Так или нет?

– Верно, мой господин, – вздохнув, ответил Ефрем. – Тебе, наверное, также донесли, что на самом деле я присяге

своей не изменял.

– Донесли, но что это меняет?

– Означает это, что я умею держать слово. Но коль нет мне пути на родину, а погибели могу избежать, не запятнав своей совести, то слово даю, что за честь, мне тобою оказанную, правдой отслужу! Бог мой свидетель!

– Хорошо сказал! – улыбнулся Гафур. – Ну, к делу!.. В бумагах мы пользуемся обычно уйгурской или персидской грамотой. Что из этого тебе ведомо?

– Уйгурская.

– Тебе принесут перевод некоторых бумаг, касающихся торговых дел, посмотри и, если где есть неточности, поправь. Каждый день после полудня тебя будут учить фарси – языку персов. Писать и читать, чтобы в будущем русские тексты перекладывал на персидский. Все понял?

– Понял, мой господин. Да благословит тебя небо...

– Вот что, Ефрем, – перебил его Гафур, поморщившись, – не надо подражать моим слугам в славословиях, когда мы одни. На людях – другое дело. Мне лизоблюдов и без тебя хватает. Больше работай, поклоны потом.

Гафур понимал, что униженному человеку в десятки раз приятнее приближение до власть имущих, чем дорогие подарки. Так он хоть на минуту сбрасывает постоянный изнуряющий страх. Подачка ласкает стяжателя и злит гордого. Бывает так, что раб, подкупленный простой лаской, готов жизнь отдать за миг без страха и видит в собственном тиране

источник счастья.

Он хлопнул в ладоши. На пороге появился Шариф.

– Ступай за ним, – сказал Гафур Ефрему, – тебе все покажут и всему научат. Но помни мои и свои слова!

Ефрем поднялся с колен. Пятясь в низком поклоне, он и Шариф вышли из покоев хозяина.

Шариф привел его в небольшую светлую и уютную комнату. Стены расписаны орнаментом, на полу большой ковер. В углу – диван с валиками подушек, на полу низкий столик и рядом подставка для чтения книг. В другом углу несколько сундуков разной величины.

– Здесь будешь жить, – ровным бесстрастным тоном заговорил Шариф. Показал на сундуки:

– Здесь книги и свитки, там же чистая бумага и чернила. В том маленьком – одежда и все, что тебе надо будет для себя. – Заметив иронический прищур Ефрема, сам улыбнулся, – захочешь, чтобы сундук с добром стал больше, хорошо послужишь хозяину... На мужской половине дома можешь передвигаться свободно. На улицу – только с господином или со мной. Все понял?

– Понял, достойный Шариф, – низко кланяясь, ответил откровенно обескураженный Ефрем.

Шариф, не скрываясь, пристально, долго смотрел на Ефрема. Тот ждал, не разгибаясь. Шариф усмехнулся, показывая свое превосходство, и пошел прочь. «Слуги везде одинаковы, – подумал Ефрем. – Чем выше – тем опаснее».

Несколько месяцев Ефрем правил переводы русских бумаг. Касались они только торговли, других ему не давали. Но и этого было довольно, чтобы разобраться, как и чем ведется здесь торг, и не только с Россией. Стал Ефрем понемногу понимать, как живут между собой здешние княжества и ханства. Его стала мучить мысль, что труд его может пропасть втуне. Как доставлять домой все, что узнал, как все это хранить?..

Однажды весной хаджа Гафур призвал своего нового раба. Войдя, Ефрем бухнулся на колени, согнулся в поклоне.

– Встань, – приказал Гафур.

Он сидел у низкого столика, заваленного свитками бумаг. Рядом стоял Шариф. Строгим тоном Гафур сказал:

– Завтра пойдешь с Шарифом в моем караване на Мангышлак, к морю. Делай все, что прикажут. Будешь переводить купцам из Астрахани при торгах... Тебе случай идет в руки. Покажешь себя – награжу. Иди.

– Дозволь слово сказать, хозяин, – подал голос Ефрем.

Гафур оживился.

– Говори, – позволил он.

– Я видел, как готовят этот караван.

– И что же?

– Охрана у каравана слабая.

– Вот как? Так ты, значит, воинскую силу примечаешь? – хитро прищурился Гафур.

– Я воинский человек. Мне это быстрее всего в глаза бро-

сается.

– Вот и сбежишь, коль мы слабы! – усмехнулся Гафур. – Ну, хорошо. В чем слабость охраны?..

– Я однажды говорил, что мне в петлю от плетки лучше не бежать. А ты только что сулил награду за службу, – потупясь, сказал Ефрем.

– Продолжай, – велел Гафур, довольно улыбаясь.

– Не дай бог, кочевники нападут!.. Туркмены или киргизы. Как известно, они нападут конными, с ходу будут стрелами забрасывать. Кони их к ружейному грому непривычные. Ежели дать громкий залп из ружей, да не один – их кони перепугаются и сами разбегутся. Значит, наскок у них не получится. И урон от пуль они понесут больший, чем от стрел.

Гафур подумал и сказал:

– Ружья для нас не диковина, да привычки у наших воинов к ним нет.

– Ежели дозволишь, я их быстро научу, хозяин, – предложил Ефрем.

– Утром уже выступать, когда учить-то! – воскликнул Шариф.

– Наука нехитрая. В пути на привалах и научу. Пока к опасным местам подойдем, все воины будут готовы стрелять, – ответил Ефрем.

Гафур молчал. Шариф и Ефрем ждали. Хозяин прошелся по ковру, сложив руки за спину. Остановился, посмотрел на Шарифа, потом на Ефрема.

– Хорошо... я подумаю, – помедлив сказал Гафур. – А пока... иди.

Ефрем, пятясь, вышел. Гафур присел за столик, раздумчиво посмотрел на дверь, куда удалился раб, и сказал вслед:

– Если подумать, то урус верно говорит, – обернулся к Шарифу. – Возьмешь ружья, по два на человека, порох, пули каменные... словом, все, что нужно. На первом же привале пусть Ефрем учит воинов охраны стрелять... Ты же следи за ним в оба глаза. Подсунь ему снова Романа... Да и того раба, которого Роман избил. Он наверняка будет соблазнен возможностью бежать от нас. За собой потянет Ефрема...

Утром, чуть занялся рассвет, из ворот Бухары на север вышел большой караван тяжело груженных верблюдов. Везли шелк, пряности, дорогие каменья. Сотня джигитов охраняла караван. В середине его шагала прислуга из невольников. За ними приглядывал Роман, сидя верхом на лошади.

К полудню успели пройти верст семь. Устроили привал. До вечера, когда спадет жара. Шариф выставил охрану, собрал воинов, усадил их в тени пологих холмов и велел Ефрему:

– Вот тебе ружье, вот порох, вот пули. Учи джигитов стрелять.

Ефрем оглядел припасы и покачал головой.

– Что, что не так? – спросил Шариф.

– Каменные пули при выстреле сильно дуло царапают. Летят неточно. Потому что разные все, не круглые...

– Других нет. Показывай с этими, – велел Шариф.

Наука не ахти какая мудреная. Бухарцы довольно скоро приноровились заряжать и стрелять. Поначалу только закрывали глаза, пугаясь вспышки от ружейного замка да нетвердо прижимали приклад. Отдачей при выстреле некоторых валяло на землю. Тогда все дружно хохотали. Воинам понравился радушный раб. Ефрема зауважали.

Так день за днем между переходами воины научились делать по команде ружейные залпы, занимать позицию, делать маневры.

* * *

До моря дошли спокойно. На берегу уже шумел большой лагерь. Здесь стояли шатры бухарцев, хивинцев, киргизов, туркмен. Под навесами шел торг. Астраханцы – это русские, татарские, армянские купцы – с больших стругов подвозили лодками-плоскодонками образцы товаров. Приказчики шумно и нещадно торговались. Договорившись, били по рукам и начинали возить на берег и с берега тюки.

К Гафурову каравану сразу потянулись посыльные от всех купцов. Шариф почти с ходу включился в торги. Время не терял. Благо прибыли на заре.

Ефрем переводил без передыха уже почти полдня. Немного охрип. Хотелось пить. Наконец устал и Шариф. Солнце было уже в зените: самое время пить чай да пережидать жару. Торг сам собою завял и сонно притих.

– Молодец, – похвалил Ефрема Шариф, – доложу хозяину. Он, может, и наградит тебя. Теперь иди к Роману. Жди до вечера.

Ефрем устало добрел до рабов. Там тоже натянули навес из попон. Невольникам выдали по лепешке, по горсти сушеного кислого молока и по плошке пресной воды. Роман ел неподалеку от всех. У него было мясо, рис, сушеные фрукты. Воды ему дали целый бурдюк. Голодные рабы с завистью поглядывали на счастливчика.

Ефрем ел молча. Рядом, отпивая маленькими глотками воду из своей плошки, сидел Семен и тоскливо смотрел на астраханские струги.

Привлеченные обилием отбросов у берега, над морем сновали чайки. Небо было безоблачным, синее в жарком мареве.

– Эх! – вздохнул Семен и кивнул на русские суда. – Они скоро домой уплывут...

Ефрем не ответил ему.

– Что, ежели попросить своих-то? Может, спрячут...

– И не думай! – сказал Ефрем вполголоса. – Здесь обычай такой, что свой ты или чужой, а без согласия твоего хозяина – это воровство. Вора, сам знаешь, не помилуют... Ежели живыми оставят, то путь сюда закажут. А тут, видно, барыши немалые крутятся.

– Ну, христиане они али нет?! – шептал, чуть не плача, Семен. – Им – барыш, а мы тут – погибай!

– Ты остерегись, брат. Охрана больно зоркая, – Ефрем легонько кивнул в сторону.

Семен обернулся. На него пристально, забыв жевать, смотрел Роман. Невольник потупился.

– Терпи, брат, терпи! Бог терпеливым и сильным помогает, – сказал Ефрем.

Отставив в сторону свою плешку, он лег навзничь на горячий песок, сцепил на лбу ладони и закрыл глаза.

* * *

Ночью к костру, где сидели невольники, подошел вразвалку Роман. Велел Ефрему идти с ним. Увел в темноту. Шли молча в сторону от моря.

В свете зарождавшегося месяца прибрежные барханы казались призраками, спящими под покрывалами. Поднялись на один такой холм. Роман остановился, обернулся к Ефрему и спросил:

– Ну что, брат Ефрем, увидал своих, так небось домой потянуло?

Ефрем молчал. Роман указал на море ногой и сказал с видом разбойничьего атамана:

– Молчишь!.. Правильно, молчи! Молчи и слушай, Ефремка. Удача тебе прямо в руки прет! Гляди, не упусти! Второго разу может и не привалит. Думка у меня есть. Прознал я, что в-о-он тот, видишь, крайний струг виднеется? – про-

должал тыкать он ногойкой в сторону черно-серебристого моря.

Ефрем взгляделся и сказал:

– Нет, что-то не видать.

– Да вон же, справа!..

– Ага, теперь вижу.

– Так вот, там у них казак-кормчий сказывал, что завтра поутру они уходят домой... Я вызнал, в каком из тюков Шариф камня дорогие запрятал. Смекаешь?

– Пока нет, – ответил придурковато Ефрем.

Роман нетерпеливо хлопнул себя по голенищу сложенной ногойкой.

– Ну и дубина! Неужто не догадался?

– Нет, не пойму я что-то...

– Ладно, слушай! Каменья те мы сейчас достанем. Ты вплавь доберешься до струга... Да ты плавать-то можешь ли?

– Могу, – ответил Ефрем.

– На струге отсыплешь казаку пригоршню – он за это хоть в ночь с тобой уйдет... Себе не забудь оставить! Богатеем возвернешься домой-то!

– А ты? Сам бы один и сотворил? – спросил Ефрем.

– Я себя не обделю. Но одному мне не справиться!

– А что делать, коль догонять зачнут? – подхватывая игру, спросил Ефрем.

– Тьфу ты! Вот ишак-то! Кто и на чем по морю погонится за вами? На верблюдах, что ли?... Да и хватятся не вдруг.

«Ох и подлец же ты, каналья! – подумал Ефрем. – Бухарцы всех невольников затравят потом – это тебе плевать! Российских купцов похватают в полон, а то просто зарежут. Тебе все равно! Ну и гадина же ты!...»

– Ну, чего молчишь бараном-то? Онемел от удачи! – торопил его Роман.

«Неспроста ты затеял все это!» – подумал Ефрем. Вслух сказал:

– Ну, я убегу, а ты – не со мной?

– Мне нельзя... да и не к чему! Я и здесь пристроюсь с камушками-то!

– Не-е-т, брат Роман, ты что-то недоговариваешь. Мне ведь тоже нельзя домой. Я там – изменщик!

– Да кто там ведает-то про твои баталии? С деньгами все отмоешь!

– Вот ты поезжай и отмывай.

– Мне не с руки...

– А мне с руки чужие головы закладывать?! – взревел Ефрем и схватил подлеца за горло.

Провокатор повис над песком, едва на цыпочках, задышался и хрипел. Роман попытался было вынуть кинжал из-за пояса, судорожно стал шарить рукой, но Ефрем опередил его. Выхватил клинок, отбросил в темноту.

– Я тебя голыми руками задушу, пакость! Говори, кем и зачем подослан?

– По-го-ди-и! – взмолился Роман. – Я отслужу-у-у...

– Говори! – Ефрем обеими руками сжал тощую шею подонка.

– Э-э-э-э... Ша-а-риф... ве-лел...

Ефрем ослабил хватку. Тяжело дыша, Роман продолжал:

– Шариф заставил, а ем-му наш хозяин приказал... тебя проверять...

– Ты придумал украсть казну? А не согласился бы я, что тогда?

– Тогда ежели не донесешь Шарифу, значит, нельзя тебе доверять.

– Ну а донес – что было бы?

– Потом как водится – вяжут кровью... – буркнул Роман.

– Как это? – изумился Ефрем.

– Шариф убьет меня!.. – взвыл подлец.

– Не знаю, как Шариф, а вот я убью прямо сейчас! – грозно предупредил Ефрем. – Говори!

– Раба Семена в чем-нибудь обвинят и велят тебе его казнить... – дрожа всем телом, выпалил Роман.

Ефрем не стал чинить расправу сам, а потащил пройдоху к шатру Шарифа. По дороге наделали шуму, побудили весь свой стан.

В свете костра взъерошенный спросонья Гафуров приказчик раздраженно спросил:

– В чем дело?

В отчаянии, надеясь на близкое избавление от рук Ефрема, Роман, теряя рассудок, закричал:

– Хозяин, этот раб убьет меня... я же, как велено было... ты сам...

– Он подбивал меня на грабеж! – перебил его визги Ефрем и бросил подлеца на землю.

– Что-что? – делано возмутился Шариф.

– Он свой, господин, он доложил! – твердил Роман, заглядывая в глаза Шарифу.

Приказчик ударил Романа наотмашь. Тот растянулся на песке. Шариф вынул из-за пояса кинжал. Два его телохранителя придвинулись к нему ближе, готовые первыми броситься, куда укажет хозяин. Роман онемел от ужаса. Шариф протянул кинжал Ефрему. Пристально глядя ему в глаза, произнес тихо и жестко:

– Убей вора.

Ефрем, недавно готовый задушить эту тварь, сейчас содрогнулся.

– Я воин, не палач... – сдавленно выдохнул он.

– Ты – раб, – назидательно возразил ему Шариф. – Или сообщник вора? Как для тебя лучше?

Ефрем понял – выхода у него два: или подчиниться, или лечь здесь, защищая мерзавца. Он молча взял кинжал и вонзил его в сердце визжащего Романа. Тут же его оттолкнул один из телохранителей Шарифа и забрал оружие. Приказчик велел:

– Уберите падаль! Ефрем, иди за мной.

Ефрем, едва справляясь с волнением, вошел в шатер ка-

раванщика. Там при свете масляной лампы Шариф велел подробнее рассказать, что произошло. Ефрем выдержал жесткий взгляд приказчика и пересказал все. О том, что Роман выдал хозяев, – ни слова. Шариф помолчал, подумал, потом сказал:

– Молодец, что разоблачил вора! Ходжа Гафур наградит тебя. Теперь ты будешь не только переводить, но и следить за остальными рабами.

– Смогу ли я?..

– Как ты это будешь делать, меня не касается. Охранять их будут воины, а ты твори так, чтобы работа кипела. Теперь иди.

Шариф завалился спать. Ефрем побрел к кучке невольников. До зари он не сомкнул глаз. Невольники его не беспокоили. Молча гадали: «Что теперь будет?»

На другой день Шариф договорился о сходном обмене товарами с кормщиком того самого струга, на который накануне указывал Роман. Оказалось, тот и не думал уходить.

Кормщик, дюжий казачина с бородой-лопатой, смотрел на всех из-под густых бровей стеклянными глазами. Но примечал все. Густым басом он указывал, как и куда класть груз.

– Давно ли ходишь на торжище? – спросил его Ефрем.

– Да лет пять, поди, – добродушно ответил казак.

– Свой товар возишь али по приказу?

– Свой, свой. Мы с братьевьями гурты скота гоняли, потом вот струг завели. Нас тут знают. Синильниковы мы, с Яику.

Кличут меня Яковом... А тебя-то, касатик, как угораздило в полон угодить? Али ты наемкой здесь, по своей охоте?

— Какое там! — махнул рукой Ефрем и перевел разговор. — Бунт-то Емелькин уgomонился?

— Пымали того злодея-батюшку, язви его!

— Что так, али ты противу своих казаков был?

— У нас в дому своя замятня из-за него вышла.

— Что так?

— Я сразу отверг еного царя-Емелю. Взбунтовались казаки! Нечего было в него сторонним мешаться. Сами бы управились.

— Как же ты уцелел с такими мыслями, Яков? Емелькины нукеры и за меньшее не прощали. А ты что не таился? — спросил удивленный Ефрем.

— А чего бы они мне сделали? Тем паче что к Емельке мой племяш пристал. Писарил там при каком-то атаманишке. Язви его!... — Яков вздохнул. — Жалко парнишку. Порубили его под Самарой... Тезки мы были. Яковы Синильниковы оба.

Замолчали. Невольники носили мимо них тюки. Яков свое уже переправил на берег, теперь загружали его струг бухарскими диковинами.

— Куда же ты этакое добро повезешь? Я чаю, не для Яика столько-то?

— Сейчас, пожалуй, и нет. Это верно. А куда? Россия ведь большая... Я, брат ты мой, аж до Петербургу вожу свой струг.

– Неужто туда? – изумился Ефрем.

– Да что ты все дознаешься? – подозрительно спросил Яков.

– Да так... – как можно равнодушнее сказал Ефрем и огляделся.

– Ну, ладно уж, говори, раб Божий. Не бойся, на мне, чай, крест есть. – Казак распахнул ворот рубахи.

– Видишь ли, я родом из Вятки. Родители мои там. Поди, маются неведением обо мне, ежели сами живы. Передать бы через кого, что живой я...

– Тю-у, делов-то! Сказывай, как сыскать их. Я через купцов передам.

Ефрем рассказал, как найти его отца, что передать... Сходил к кострищу на берегу, нашел кусок тряпки и написал на нем: «Я живой, в Бухаре». Когда Ефрем сунул в руку казаку свое письмо, на берег вышел Шариф и увидел это.

– Нехорошо, купец! С моими невольниками тайное дело заводишь? – закричал он на Якова.

Охрана Шарифа подбежала к Ефрему и заломила ему локти.

– Успокойся, уважаемый, нет никаких дел тайных. Глянь, что на тряпице написано. Какой это грех, ежели отцу с матерью человек отписал, что живой он? Чтoб не печалились они...

Шариф недоверчиво посмотрел на казака, на Ефрема, на буквы на тряпке, сморщился и сказал:

— Дай мне, — казак отдал, — я потом прочту, а на словах его родным передай, что не хочет Ефремка домой ехать. Пусть они к нему едут. Вместе жить будут.

Он велел отпустить Ефрема и ушел, смеясь. Его воины подхихикивали.

Утром следующего дня Синильников отплыл в Астрахань. Шариф приказал всем готовиться в обратный путь, а еще через день караван направился к Бухаре.

* * *

Прошли меньше половины пути, когда их в песках нагнали туркмены-разбойники. Застать бухарцев врасплох не удалось. Шариф был опытный воин. Он рассылал на пути конные дозоры. Успели разложить вокруг снятые тюки и залечь за них. Ефрему велено было командовать ружейной стрельбой. Сотни три конников двумя лавами понеслись на бухарцев, на ходу пуская стрелы. Но первый дождь из луков вреда не принес. Вот тут Ефрем гаркнул по-русски:

— Пали-и-и!

Бухарцы, уже привыкшие к его командам, дали залп, потрясший воинов пустыни. Их кони от грома, огня и дыма в панике поворачивали, не слушаясь поводов. Убитые и раненые усеяли песок. Вторая лава туркмен по инерции смяла первую. Нападавшие смешались в кучу. Бухарцы похватили вторую партию заряженных ружей. Рабы и погонщики ста-

ли перезаряжать отстрелявшие. Ефрем и Семен выучили их этому загодя.

– Целься! Пали-и! – командовал Ефрем.

Второй залп свалил еще десятка два нападавших. Видя, что наскоком ничего не получилось, разбойники укрылись за барханами и стали осыпать караван стрелами. Появились раненые и убитые. Бандитов отгоняли залпами, но они скоро возвращались, и все начиналось сначала. До ночи длился этот вялый бой. Туркмены пытались поджечь тюки стрелами-факелами, но бухарцам удавалось погасить огонь. Все понимали, что развязка близка и кто-то из дерущихся должен пасть.

– Многоуважаемый Шариф, – обратился к караванщику Ефрем, – дозволь мне с воинами вылазку сделать? Отобьемся!

Шариф, выслушав, что задумал русский, раздумывать не стал: все равно иного выхода не было.

Меньше сотни конников во главе с Ефремом галопом выскочили в темноте из лагеря. В тусклом свете молодого месяца на песке чернели фигуры спешенных туркменов. Бухарцы остановились разом по команде своего предводителя-раба как вкопанные. Дали залп. Пустые ружья – в песок. С плеч сорвали заряженные и – снова залп. От неожиданного грома и молний туркменские лошади без седоков умчались за барханы. Разбойники, потеряв коней, заметались на песке.

– Ур-ра-а! – закричал Ефрем и, выхватив саблю, бросился

рубить налево и направо.

— Алла-а-а! — хором вторили ему бухарцы и тоже пошли в сабли.

В это время Шариф бегал по лагерю и готовил остатки людей к обороне, на всякий случай. Огня велел не зажигать. Около одного из тюков он замешкался... В темноте и суматохе никто не обратил внимания на короткий стон. Все прислушивались к шуму боя за барханами.

Под утро, порубив и разогнав разбойников, бухарцы, ведомые Ефремом, вернулись в лагерь. Все радостно приветствовали друг друга. Хватились Шарифа. Нашли и ахнули. Он лежал между тюков со стрелой в горле.

Ефрем по инерции продолжал распоряжаться. Никто не возражал. Он велел мусульманам помолиться над убитыми и похоронить до заката. Бухарцам это легло на сердце бальзамом. Чужестранец, знающий их обычаи, да еще герой битвы достоин уважения!

Случилось само собою, что люди слушались русского. В его словах и поступках все было разумно. Они не заметили, как забыли, что он раб.

В караване нашлось немало тех, кто знал путь до Бухары. Двигались далее с малыми остановками. Всех, и рабов тоже, посадили на отбитых и освободившихся лошадей и верблюдов, чтобы двигаться быстрее.

Ефрема не покидала мысль: «Как в Шарифа в темноте угодила стрела да еще так метко?».

Он спросил Семена украдкой:

– Ты не заметил, когда нашли тело приказчика, сколько стрел валялось там на земле?

– Ни одной! – щурясь, сказал Семен.

– Выходит, очень зрячий стрелок у туркменов был, как кошка, – Ефрем пристально посмотрел на ухмыляющегося друга.

– Не знаю, – бесшабашно ответит тот, – а может, он шел, шел да и споткнулся. А она тут торчком и лежала. Упал человек и каюк... Нетути теперича.

Семен притворно вздохнул и добавил:

– Хороший был человек или нет – Бог разберет.

Ефрем все понял. Семен улучил момент, чтобы убрать мнительного слугу Гафура. Ведь он видел, как Шариф забрал письмо Ефрема.

– Больше такого не твори. Себя и меня погубишь. Без моего ведома ни-ни! Понял?

Семен кивнул и сказал шепотом с усмешкой:

– А тряпицу твою с Шарифом так и похоронили. Царствие ей Небесное! Почила вместе с супостатом!..

– Аминь, плакальщик! – завершил Ефрем и погрозил беззлобно.

До Бухары добрались благополучно. Ходжа Гафур был так потрясен событиями с его караваном, что чуть было не дал Ефрему свободу. Но вовремя спохватился. Именно такой сметливый и смелый человек был ему нужен. Придумал Га-

фур приручить Ефрема окончательно и потом подарить правителю Бухары.

* * *

Яков Синильников исполнил просьбу Ефрема. Через приказчиков знакомого вятского купца отправил его отцу весточку о сыне. Сам казак пока далеко от Астрахани ездить воздерживался. Больно уж лютовало начальство поволжских городов после недавнего бунта. Особенно если встречало ненароком казака.

«Да-а, развел всем соли Емелька! Прямо аж до изжоги!» – думал Яков.

Но другого не мог он принять: корили-то за Емельку всех казаков, скопом!

– Ну, дворяне, приказные – этих понять можно! – говорил он однажды знакомому купцу Анисимову из Самары. – Этих Емелька скопом по осинам развешивал. А мужики-то чего на казаков взъелись? Им волю пообещали, вот они своих господ и зачали грабить! Ну ежели мы – казаки – вредные такие, охальники, так ты на нас иди, а ты – в чужой амбар!

– Эх, казак, казак! – вздохнул Анисимов. – Я сам сын крепостного. Знаю что почем... Казаки крови попускали, мужиков волей поманили, а пришли снова баре и что?

– Ну и что? – раздраженно переспросил Яков.

– А то!.. Раньше с мужика три шкуры драли, теперь –

тридцать три.

– Ага, а казакам, наверно, пряники привезли, – бурчал Яков. – Кренделя пеньковые да колышки еловые!.. Казаки мужиков в бунт на аркане не волокли...

– Мужик – он темен, забит, захлестан, – гнул свое Анисимов. – Ему такому укажи пальцем, мол, вот виновник бед твоих. Мужик – дубину в руки и айда махать... Мужика пожалеть надобно.

– Жалельщик!.. Я-то спросил, чего вдруг казаки мужику плохи стали?

– Я отвечаю, – назидательно продолжал купец, – вы побунтовали, а как были вольные, так и остались. У вас земляца. Ни барщины, ни податей... Вон и торговлишка...

– Ага, – перебил его Яков, – и на талах витушки у нас растут! Сразу жареные! Ты только забыл, что еще кости у нас сеченые.

– Какие такие кости? – удивился Анисимов.

– Такие! Слыхал, что казаки обязаны по первому указу на любую службу, особливо военную, идтить?.. А война – не гулянье... Податей, говоришь, на нас нет? Мы, милок, дань кровью платим. От того и бунты у нас почитай кажинный год... и виселицы.

Оба спорщика замолчали. Потом Анисимов спросил:

– Выходит, ежели случится державу спасать, то казаки воевать не пойдут?

– Сказал тоже! То – держава же!..

– Что-то я не пойму: служить не пойдем, державу защищать станем, – удивился купец.

– Вот, вот! Тут кумекать надо. Держава всех оберегает: русских, татар, казаков, всех. – Яков многозначительно поднял палец. – В державе быть выгодно всем. По одному – все едино кто-то подомнет. Особливо малых, слабых...

– Любо мне тебя слушать, Яков! – восхитился Анисимов. – Ты приходи в вечеру ко мне, где я на постое. Чай бухарский пить да беседы вести.

Слова купца польстили казаку. Он степенно разгладил бороду, ответил:

– Отчего же не прийти, коли зовут. Почет не ярмо, шею не трет небось!

Купец Анисимов выставил на стол несколько сортов меду чистого, меду хмельного, вина зеленые, вина заморские, квасы и наливки. Арбузы соленые и свежие, яблоки моченные, овощи соленые и свежие и еще много чего. Жареный поросенок лоснился от жира. Индейка, гуси, утки... Всякой посуды – и дорогой и не очень – на столе было предостаточно. В те поры редкий барин не возил за собой горы дорогого скарба. Редкий купец не подражал господам.

Яков как увидел это, смекнул:

«Неспроста купец меня обхаживает. Глядишь, барыш какой светится!»

Петр Анисимов не спешил. Он налил в большой серебряный стакан анисовой водки и с почетом поднес гостю. Яков

отказался:

– Нет, нам законом Божиим запрещено. Старой веры мы приверженцы. И то грех, что я из чужой посуды есть стану... Да уж это грех малый. Отмолю!

– Уважь, Яков Иванович, – улыбаясь, простодушно просил Анисимов. – Помню я, как при Пугаче-то яицкие казаки гулеванили!

– То охальники! Охальники везде есть... Я тверд в вере и в слове!

– Ну, тогда хоть отведай моего хлеба-соли.

– Ета можно. Ноне, кажись, не пост, – согласился Яков, засучивая рукава рубахи на мощных локтях.

И захрустели на белых казачьих зубах птичьи и свиные сухожилия, овощи и фрукты. Куски нежной осетрины, черная икра ложками исчезали под густыми усами... Любо-дорого посмотреть! Сам есть захочешь!..

Четвертую ширинку, мокрую от пота, сменил гость, так хорошо шел чаек под беседу. Наконец купец сказал:

– Мне велено поклон тебе передать, Яков Иваныч...

Казак удивленно вскинул брови.

– Да, да и вот это, – Анисимов повернулся к маленькому ларцу, стоявшему возле него на лавке.

Яков только сейчас его заметил. Он принял ларец, не переставая удивляться, открыл его. Внутри лежал приоткрытый кожаный кошелек с золотыми монетами и небольшой свиток бумаги.

– Читать-то умеешь? – спросил купец.

– У нас в куренях матери с детства чадов своих псалтири учат. И читать и писать обучены, – бурчал Яков, разглядывая содержимое ларца.

– Тогда прочти грамотку-то.

В бумаге значилось, что дана для беспошлинной торговли на всей реке Волге, по Яику и Дону. Кому дана – вписано не было. Подписано князем Потемкиным и печать приложена.

– Почто мне это читать дал? – спросил Синильников.

– Так привет и бумага тебе же посланы, хоть сейчас вписывай себя.

– За что же милости такие? Ежели мне дадено, почему сами имя не вписали? – сомневался Яков и недоверчиво косился на хозяина.

Купец посерьезнел.

– Скажи, Яков Иваныч, можешь ты мне слово дать на Святом Писании, что сохранишь в тайне то, что скажу тебе.

– Ну... ежели не противу Бога, закона, совести... тогда могу, – осторожно пообещал Яков.

– Вот перед Писанием... – Анисимов потянулся к полке с иконами.

Яков, потеряв терпение, взъелся:

– Вот что, Петр Сергеич, ежели ты боишься чего, то не неволь себя. Я тебе прямо скажу – клясться не стану!.. Выдавать тебя тоже не буду... Мое слово и пыткой не сломишь! Ты ежели сумлеваешься – возьми ларец и с благодарностью

возверни хозяину.

Анисимов смутился. Оба молчали, не зная как поступить. Наконец Яков поднялся и сказал:

– Ну, благодарствую на угощении...

– Постой, казак, не обижайся! – остановил его купец. – Дело больно важное... Да я тебе верю... Ты передавал весточку от русского полоняника?

– Было такое, – насторожился Яков.

– Ну, вот и вышла тебе за то благодарность и деньги от князя.

– Вона как, – протянул Яков. – Вот это батюшка у Ефрема!

Анисимов засмеялся:

– Нет, батюшка его не князь. Но привет от Ефрема и князю передан.

Яков внимательно посмотрел на купца, на ларец, снова на купца, вздохнул и сказал:

– Кажись, я понял! – И замолчал.

Анисимов не ответил, ждал. Яков продолжил:

– Ежели бухарцы проведали бы про эти приветы, то Ефрему кол показался бы щекоткой... Но скажу тебе – он там держится... А что, нужно вызволить его?

– Нет. Князь Потемкин лично тебя просит помочь Ефрему в деле государственной важности, – торжественно изрек Анисимов. – Его сиятельство благодарен тебе за то, что защитил ты его человека, когда на него накинудся бухарец.

«Ого! – подумал Яков. – Так выходит у меня на струге

есть доносчик?»

Вслух спросил:

– Как прознали, что помог?

– Твои работники и товарищи хвалят тебя открыто.

Казак еще малость повздыхал и решился:

– Ладно, говори, что надо вершить? Перед Богом говорю, – Яков встал и перекрестился двуперстием, – ни пытка, ни смерть не остановят меня, коли нашему человеку помочь надобно! Как водится: за своего хоть в ад!

Оба словно ношу сбросили, разом повеселели без вина, разговорились.

– Теперь понял, почему имя в бумагу не вписали? Чтоб тебя загодя не выдать ненароком.

– Другое непонятно – уж больно льгота мне в торговле большая дадена. Для чего? – Почесал в затылке казак. – А ну как всю торговлю в одни свои руки заберу? Разгоню всяку шушери и зачну цены свои гнуть?..

– Пожалуй, для этого твоих капиталов маловато будет, – усмехнулся купец. – Через тебя беспощинно торговать многие бухарские купцы соблазнятся. Значит, нужда в Ефреме большая будет. Значит, с нами ему легче будет сноситься. Спрашивать станут, за что милость такая. Отвечай: мол, при бунте услугу князю оказал.

Якову поручили в общем-то простое дело: возить Ефрему и от него вести на словах или подарки. А ежели понадобится, то и полоняника того вызволить.

Ефрем не знал этого, потому без устали искал способ надежной связи с домом. Ничего придумать не мог. Как-то пришел к нему сам Гафур. Осмотрел комнату. Остался доволен. Стали обсуждать торговые выгоды. Гафур сказал:

– Мне донесли, что объявился на Мангышлакском торгу какой-то казак – купец, у которого есть право беспошлинной торговли чуть ли ни по всей России.

Ефрем удивился:

– Не может того быть. Что-то не верится. Известный должен быть купец. Или знатного роду.

– О-о! – протянул Гафур. – Кошелек раздуется, сразу известным станешь! Меня не титулы его волнуют. Ежели это правда, его заарканить надо бы. Пока иные не опередили. У нас хватов – не занимать!

– Понял, хозяин: он там беспошлинно, а ты здесь! Соединив, можно цены сбить и вдвоем всю торговлю здесь и там в руки взять?!

– Правильно. Поможешь того казака охомутать – еще больше возвеличу тебя! Так вознесу – домой не захочешь!

– Трудно будет, – сказал Ефрем.

– За то и награда велика!

– Эх, как у нас говорят: или пан или пропал! Как распознать того казака?.. Чую, хозяин, знатное дело ты задумал!

– Мне доложили имя его – Яков, по прозвищу Синильников! Он яицкий казак. Удачливый купец.

Ефрем чуть не поперхнулся, решил на всякий случай обезопаситься.

– Да я знаю, кажись, того казака!.. Ну да!.. – Ефрем трепетал в душе.

– Не может того быть! – обрадованно вскричал Гафур. – Откуда? Чудеса-а!

– Точно, хозяин, это с ним последний свой торг вел Шариф. Я просил того казака моему батюшке передать, что жив я.

– Что сообщить? – удивился Гафур.

– Шариф дозволил, хозяин. Всего два слова...

«И правда! Чего тут страшного?» – подумал Гафур. Будущие огромные барыши прощали все сами собой. Он сказал:

– Передавай хоть десять, мне все едино. Ежели что-то сделаешь не так – тебе на колу сидеть, не мне... Пойдешь снова с караваном на Мангышлакский берег.

– Спасибо, хозяин. Я того казака на веревочки подвешу, а ты за концы дергать будешь!

– Не хвались до битвы, воин!.. Лучше помни: дело сладишь – не пожалеешь, что ко мне попал!

Через полмесяца Ефрем сидел на знакомом ему берегу

моря как старшина бухарского каравана. В этот раз с ним не было Семена. После боя с кочевниками Гафур сделал его телохранителем и всюду таскал с собой. Ефрему это было на руку – свой человек при хозяине.

Пришлось ждать две недели казака-купца. Гафур же через гонца велел дожидаться хоть до зимы. И вот Яков привел целую флотилию своих земляков. Вел он себя нарочито, словно он атаман или боярин. Никто не удивился, что Яков и Ефрем завели торг только между собой. У кого мошна, тому и выбирать!

Ефрем поднялся на казачий струг якобы товар осмотреть. Там они с Яковым смогли поговорить о своем. Ефрем передал казаку зашифрованные записи на платках. Яков повертел их в руках, пожал плечами.

– Ты их от воды береги, а ежели что, то напротив – швыряй в воду, – сказал он казаку.

– Ежели что, то мы сами с имя в воде будем, так я кумекаю, – ответил Яков.

Они договорились о встрече ровно через год, ежели Бог даст. Сошли на берег. Пошли к Ефрему в шатер. Начали прилюдно торг. Русский-бухарец повел себя так, будто он и есть главный сквалыга ханства.

– Да что ты жмешься-то?! – возмущался Яков. – Помилуй бог! Где ты такие цены видал?

Обоих увлек азарт. Ефрем разводил руками, украдкой подмигивал, но гнул свое. Казак не на шутку иногда злился:

«Вот, гад! Своего же и так бесстыдно норовит ободрать! У-у, бусурман!» Но, наругавшись в мыслях досыта, Яков брал себя в руки. Понимал, что иначе Ефрему нельзя. Снова шла ругань, споры из-за каждой полушки. На них приходили посмотреть другие торговые приказчики. Про себя завидовали. Редкостный был торг.

На излете лета Ефрем жалел, что нет у него еще одной надежной okazji связываться с домом. Он уже бегло говорил и читал на фарси. Ходил в библиотеку при медресе. Ходжа Гафур поручал ему разбирать много бумаг, касавшихся торговых дел. Читая их, Ефрем узнавал, как и чем живут соседи Бухарского ханства. Силу их и слабости. Устремления тамошних правителей.

«Как переправить все это в Россию? – думал он. – Ждать год? За год сколь воды утечет!...» Но выхода пока не находил.

Вернувшись от Каспия, Ефрем не нашел своего друга Семена возле Гафура. Выведал, что Семен попал в личную охрану Данияр-бека – бухарского аталыка. Тоскливо и одиноко стало Ефрему. Он не знал, что ходжа Гафур сам подсунул Семена правителю. Сначала обласкал раба, потом решил, что и во дворце свои воины могут пригодиться.

Самого Ефрема Гафур готовил к большему. Муллы доносили ему, как обучается русский. Ходжа был доволен, но не спускал глаз с обласканного раба и потому не стеснял его относительной свободы. А Ефрем упорно искал другие способы связи с Родиной.

В Астрахани Синильников передал купцу Анисимову Ефремовы «подарки». Якову велено было весной прибыть в Самару, забрать ответные «подарки» для Ефрема к новому летнему торгу на Мангышлаке.

Яков так и сделал. Весной, когда еще не весь лед прошел по Волге, он подъезжал к Самаре с юга по правому берегу с небольшим обозом.

Верст за пять от города решили отдохнуть. На сухом пригорке, на краю чахленькой рощицы устроили стан.

Солнце было в зените. Небо синее, чистое, словно умылось. Ветерок ласковый по-весеннему. Лошадей выпрягли, напоили, стреножили, пустили глотать весенние побеги с кустов, выщипывать прошлогоднюю траву. На поднятых оглоблях развесили одежду подсушиться. Развели костерок. Стали варить обед.

– Иваныч, – обратился к Синильникову казак-кашевар, – пошто по грязи-то спешил в Самару? Нешто недельку не мог подождать? Тогда дорога бы подсохла. Как по каменной доскакали бы!

Яков, пользуясь потемкинской грамоткой, выпросил у астраханского воеводы себе в спутники десяток своих земляков, служилых казаков – так надежнее.

– Торговые обороты не ждут. Все вовремя делать надо, –

уклончиво ответил он.

Кашевар пожал плечами, про себя подумал: «Неделя – срок не велик. Каки такие обороты, что гонят словно на зверя облава!.. Жадность, скажи!»

От телег, где на задраных оглоблях сушились зипуны, крикнул казак:

– Гляньте, братцы, вслед нам верховые едут! Кажись, воинская команда.

Казаки поднялись, стали вглядываться, загораживаясь от солнца ладонями. По дороге ехала карета, окруженная полусотней драгун.

– Не простые путники... – протянул раздумчиво кашевар.

Шагов за двести от казаков отряд остановился. Из кареты выглянула голова в парике. Седок кареты вгляделся в казачий стан и что-то сказал верховому, услужливо склонившемуся к нему. Тот с места в карьер помчался к казакам. Подскакал, резко осадил лошадь и грозно крикнул:

– Кто такие?

Яков выпрямился во весь рост и уставился на молодца-драгуна своими стеклянными глазами. Осмотрел его с усмешкой и густым басом заявил:

– Добрые люди сначала здравствуются, себя называют, опосля спрашивают, а не кричат.

– Ты что, казак, белены объелся? Ослеп? – взъярился драгун. Он показал на карету. – Тебя здешний хозяин спрашивает, помещик Ильин...

Яков, едва сдерживая нешуточный гнев от наглости драгуна, стиснув зубы, ответил жестко:

– Хозяйка здешних мест одна – государыня Екатерина Алексеевна.

– Не умничай, отвечай, кто такие!

Яков решил поиздеваться над нахалом:

– Ты что, не видишь? Казаки! Так и передай своему барину, лакей визглявый! По государственному делу мы, и не твоему помещику ответ даем. Пошел вон!

Драгун чуть не задохнулся от злости. Сопя, он развернул коня и умчался к карете. Синильников велел своим:

– Казаки, сабли подберите на всякий случай.

Его отряд быстро нацепил оружие, приготовились.

– Неужто драчку затеют? – спросил кашевар.

– Всяко может быть, – ответил ему другой казак, – после Емельки они готовы нас всех под корень извести.

– Не бойся, казаки! Не посмеют – мы на службе! – подбодрил третий казак.

– Еще чего! Посмотрим, кто первый в штаны наложит! – возмутился четвертый.

– Хватит хорохориться, – оборвал их Яков, – сейчас узнаем, чего им от нас надобно. Сам барин из короба вылезат!

Из кареты вылез крепыш в ярком камзоле. Легко сел в седло поданного ему коня и в окружении всех своих драгун не спеша подъехал к казакам. Сквозь белесые прищуренные ресницы он брезгливо оглядел десяток путников. Покосил-

ся на котелок с начавшим подгорать кулешом, поморщился. Наконец спросил:

– Который негодяй из них ругал моего вестового?

– Вот этот, – услужливо показал на Якова давешний драгун.

Ильин злорадно спросил Синильникова:

– Значит, ты мне указуешь, кто тут хозяин, черная образина? Отвечай!

Не на шутку раззадоренные таким беззаконием, казаки напряглись. Едва сдерживаясь, Яков произнес:

– Остерегись, барин, я по делу его сиятельства, князя Потемкина еду...

– Врешь! Вы воры небось! Почему я должен верить тебе?

– Вот, читай!

Яков достал из-за пазухи бумагу Потемкина и... сделал ошибку. Он отдал документ в руки Ильину.

Самарский барин побледнел, когда прочел бумагу и увидел подпись с печатью всемогущего князя. Он якобы перечитывал, а сам лихорадочно думал: «Что делать? Назад – поздно. Светлейший не простит... Ежели спущу этому сброду, меня ославят во всем свете...» Вдруг его осенило. Он воскликнул:

– Бумага-то краденая!.. Потемкину незачем такой милостью какого-то казака награждать... Вы, сволочи, натворили такого, что вам одна награда – виселиц на сто лет!

Яков понял свою оплошность, кинулся вырвать грамо-

ту. Ильин попытался пнуть его в лицо... Никто и глазом не успел моргнуть, когда Яков ухватил ногу самодура и пнул под ребра его коня. Животное шарахнулось в сторону, Ильин плюхнулся в подсохшую грязь.

Драгунский офицер не дал зарубить своего начальника. Он бросился на Якова, занеся палаш. Казак увернулся и крикнул своим:

– В сабли, братцы!

Казаки сцепились с драгунами на саблях, не задумываясь, что на каждого из них пришлось по пять конников...

Бой длился недолго. Всех казаков порубили. Яков успел уложить причитавшихся на его долю пятерых напавших, но шестой раскроил ему голову. Другие казаки полегли, прихватив с собой кто двоих, кто троих драгун...

Убавленный на треть отряд Ильина с ужасом взирает на результаты резни. Сам Ильин, перепачканный, трясущийся, громко сказал:

– Вот так им, вора́м, за ихний разбой и воровство!.. Что творят – уже грамоты поддельные носят!.. Бросьте их здесь. У них сообщники, наверно, недалеко... Пусть полюбуются!

Про себя подумал: «Всегда сказать можно, что мол, других бил, а этих не я. Мало их в этих местах шляется. Поди докажи... Они сами, мол, начали».

Отобранную потемкинскую грамоту он порвал и бросил в горящий костер. Пламя вспыхнуло, весенний ветерок рассеял легкие перья бумажного пепла по пригорку и телам из-

рубленных людей. Драгуны подобрали своих, и отряд помещика уехал...

Скоро на окраину рощицы слетелись вороны, а еще немного погода вышли отощавшие за зиму волки... Солнце припекало, а вокруг была тишина.

Только через год Потемкин узнал, куда подевался казак Синильников. Доискивались тайно. Драгуны Ильина проболтались. В ярости князь хотел было укатать самарского дурака-помещика. Но, рассудив, не стал его трогать. Огласка могла повредить делу. Мстить было некогда, и он велел подыскивать нового посыльного к Ефрему.

А Ефрем целый год перебивался случайно подворачивавшимися оказиями. Когда, случайно от купцов, узнал о гибели Якова, сказал Гафуру. Тот переживал, словно самое дорогое утратил. Может, и так: барыш его – не чужая забота.

Тогда Ефрему невыносимо захотелось домой. Долго еще по ночам он с тоской смотрел на чистые звезды в небе и с комом в горле вспоминал бархатную кожу рук матери. Как ребенку, захотелось ему забраться к ней на колени, уткнуться ей в подбородок и тихо уснуть, спрятаться и все забыть...

* * *

Мулла Ирназар-бай впервые побывал в Петербурге в качестве бухарского посла. Было это в год пленения Ефрема. Теперь сведения о некоторых делах при дворе русской

царицы просачивались и в Бухару через казанских, астраханских и башкирских мулл. Данияр-бека интересовала не только богатая торговля с растущей империей. Ирназар-бай донес ему, что вожди туркменских племен, кочевавших на Мангышлаке, просили его, муллу, передать русской царице просьбу о покровительстве. Аталык спросил:

– Выходит, что на Мангышлакском берегу Каспия русские смогут выстроить свои крепости? Как думаешь?

– Думаю, ты прав, мой повелитель, – ответил мулла. – Туркмены для русских будут только предлогом. Торговый путь к русским из Китая и Индии, который идет через нас на Мангышлак, потребует их военного присутствия.

Данияр-бек задумчиво произнес:

– Тогда неизбежно, что они будут давить на нас. Слишком велико искушение завладеть и нашим участком этой золотой дороги.

– Мой господин, я думаю, что воевать они с нами долго не станут. Дорого! Их войска будут удалены от своих... Какие-то силы они сюда перебросят, конечно... А это значит, что придется русским замириться с турками...

– Знаю, знаю, – перебил аталык. – Все эти рассуждения – только сладкие миражи!.. Почему ты так уверен, Ирназар-бай, что турки не воспользуются ослаблением русских войск, а непременно повернут оружие против Персии? Ты всегда именно это утверждаешь.

Мулла с мягкой настойчивостью ответил:

– Туркам в соперничестве с Россией далее того, чем они владеют, уже не продвинуться – слабы. Как мне доносят лазутчики, они сами ищут мира с Екатериной. Потому что все их последние войны с русскими ставили Стамбул на грань краха. Персия сейчас слабее Турции. Они старые соперники за тамошний участок торгового пути из Индии в Европу.

Данияр-бек всплеснул руками.

– Это называется: хочу так хотеть!.. Желание, чтобы персы с кем-нибудь воевали, чтобы нас не трогали. Уважаемый мулла, ты же мудрый человек! Это только дикие кочевники думают, что они в безопасности, если им обещают покровительство сильные. Они уверены, что их мелкая уловка – есть великая хитрость... Подумай хорошенько, не сказку ли ты сам себе сочинил?

Мулла Ирназар-бай подумал, повздыхал и согласился:

– И турки на персов не пойдут и русские. Если же поставят свои гарнизоны на Каспии, то не ради защиты туркмен...

– Персия сейчас и без турок нам не страшна, – перебил его аталык. – Слишком слаба. Других соперников наших прибирать к рукам нужно: Самарканд, Коканд... Единую державу собирать! А Россию нужно использовать для торговли. Это же бездонный сундук с богатствами!

– Как прикажешь поступить с просьбой туркмен, мой повелитель? – спросил мулла, низко склонившись.

– Обещать! – решительно велел Данияр-бек. – Обещать и ничего не делать! А русских всеми путями подводить к мыс-

ли, что Мангышлак – это гиблое место. Нет пресной воды, сплошные разбойники, жара, пески... А мы тем временем будем строить свой путь торговый от афганских гор до Каспия...

Правитель спохватился, что слишком расфантазировался и потому замолчал, успокоился и продолжил:

– Просьбу дикарей храни в строгой тайне. Не стоит давать поводов русской царице. Нам же стоит выведывать ее мысли про нас.

– У меня есть свои люди в ее холодных столицах, – сказал мулла.

– Вот пусть и стараются! – велел аталык.

* * *

Не прав был Данияр-бек. Туркмены не все и не всегда жили грабежами на торговых путях. В их владениях были города со множеством ремесленников и торговцев. Оазисы с богатыми посевами. В город Мерв, помнивший еще Александра Македонского, стекалось множество купцов, развивших потом товары во все концы мира. Туркмены знали пустыню, как дом родной, и многие нанимались караванщиками. И на Мангышлак не все они приходили грабить. От них-то и узнал Ефрем о просьбах некоторых племенных вождей туркмен к русской царице. Скоро узнал об этом и князь Потемкин, живший в то время в Зимнем дворце в Петербур-

ге.

В будуаре у властительницы России и своей тайной жены Григорий Александрович с горячностью поведал ей, какие грандиозные возможности откроются перед Россией, если удастся выйти в Азию, за Каспий.

– Остынь, остынь, Гришенька, – мягко успокаивала его царица.

– Матушка!.. – Потемкин порывисто взял ее руку.

– Успокойся, милый мой. Да, прожекты твои велики, смелы и неглупы. Но ты подумал, сколько денег на все это нужно? Сколько войска?

– Матушка, ежели туркмены мангышлакские добровольно просят...

Екатерина перебила его:

– Как ты вызнал об их просьбе? Прямо никто не обращался к нам.

– Тайно вызнал.

– Вот видишь. Раз ты тайно узнал, значит, кто-то хотел скрыть сие. Кому выгодно скрыть?

– Как мне доносят, тамошние ханы и беки все самовластицами быть хотят. Всяк соседа своим вассалом видит.

– Стало быть, без войны они никому ничего не уступят, – заключила царица.

Потемкин вздохнул:

– Верно... Но пока можно малые гарнизоны там обустроить.

– Гарнизоны малые, а деньги большие! Меня со всех сторон оглушили прошениями и прожеками, и везде – дай денег... Недавно купцы сибирские сулились вдесятеро возвратить, коли помогу им берега американские нашими гарнизонами укрепить... Заманчиво! Только сначала надо им денег дать. А где их взять?

– Вот и нужно прибрать торговые пути азиатские! – горячо воскликнул Потемкин. – Деньги сами потекут.

– Воитель ты мой, – Екатерина погладила своего самого любимого мужчину по щеке. – Ты пока все про те края проведывай, а мы силы и казну копить станем. Придет и тем местам пора.

– Вывеद्याю, матушка. Хоть и не просто моим людям пробираться в те места...

– Твой тайный посланник в Бухарии, о котором давеча говорил, надежен ли?

– Молод, смел и умудрен не по годам. Истинно, из пекла сведения нам шлет! Топор над ним ежеминутно. Милости для него прошу, государыня.

Потемкин нежно целовал ее ладони, плечи, локоны, заглядывал в глаза.

– Ты же знаешь, Гришенька, что я скупа на звания раньше срока, – сказала она, обвивая его шею руками.

Прижавшись щекой к его щеке, запустив под воротник ладони, она гладила его широкую спину. Целовала грудь, шею. В истоме шепнула на ухо:

— Хватит дел... я хочу просто Катей побыть...

Всем российским послам и консулам за рубежами была отправлена депеша с двумя нарочными. Первый нес письменный приказ об оказании всяческой возможной и невозможной помощи российским людям. Второй гонец следом привозил какую ни-то малозначащую бумагу, а на словах передавал заученный на память список тех россиян. Русским послам надлежало список выучить и письменный приказ строжайше исполнять, коли надобность возникнет. Первое послание без второго ничего не обнаруживало.

* * *

Татжи-бай, купец из города Оша, не первый раз возил товары в Россию. Не самый заметный торговец, но и он имел свои лавки во многих городах и странах. В российских городах его дела вели приказчики из татар. Лавки были небольшие. Товар сразу скупали русские купцы. Обороты были прибыльные. Тем более что немало щедрот сыпалось на Татжи-бая от разных правителей и ханов. К ним он возил тайные сведения о соседях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.